22 АПРЕЛЯ—115 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 17 АПРЕЛЬ 1985

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (3014)

20—27 АПРЕЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

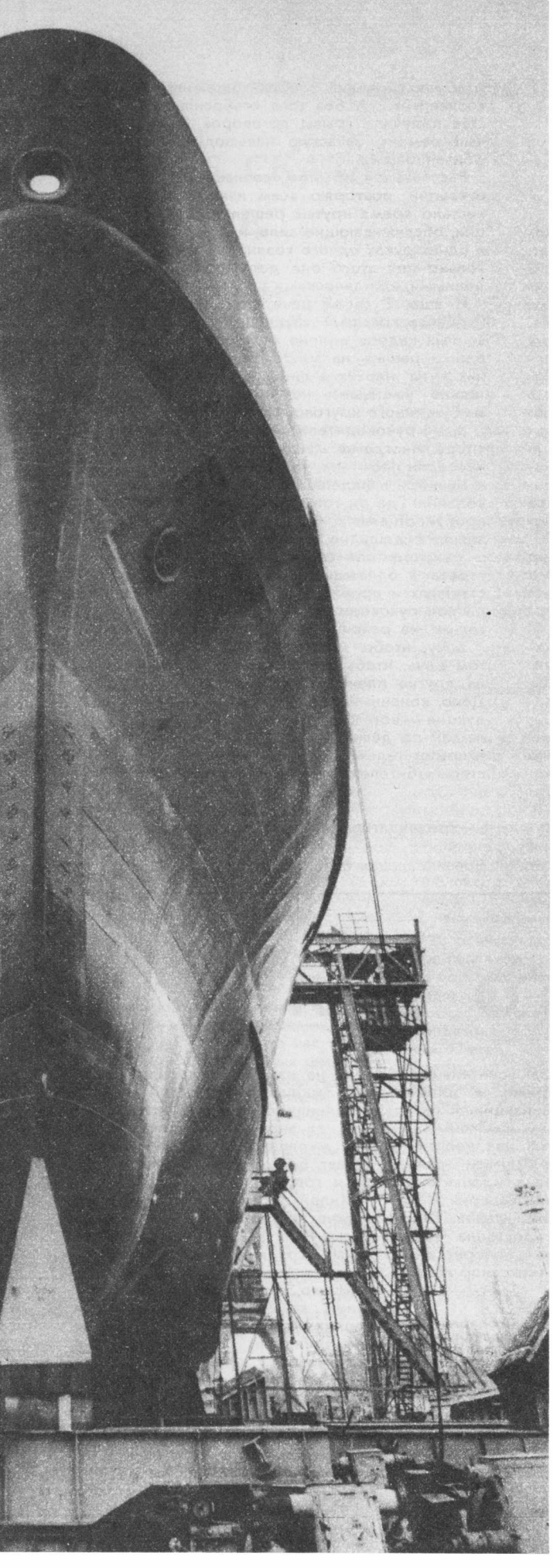
Герой Социалистического Труда Петр Петрович Тарасенко и его бригада.

Перед спуском на воду.

Станислав КАЛИНИЧЕВ

ЛЕНИНСКАЯ

Трудящиеся Советского Союза! Самоотверженным трудом крепите экономическое и оборонное могущество нашей Родины! Добивайтесь всемерного роста производства, улучшайте качество продукции!

Успешно выполним план 1985 года, достойно завершим пятилетку!

Из Призывов ЦК КПСС

Здесь делают винты для судов. Мастер В. Я. Каминский и слесарь А. Д. Войтенко.

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

КУЗНИЦА

Ходит по Байкалу красавец теплоход «Верещагин». Человеку несведущему и в голову не придет, что построено судно на берегу Днепра, за тысячи сухопутных километров от «славного моря» — в Киеве. Сработанные здешними мастерами теплоходы, землечерпалки, земснаряды трудятся на больших и малых реках страны — от Бреста до Камчатки.

Окончание на стр. 14—15.

СУДЯТ ПО ДЕЛАМ

Передо мной сообщение газеты о встрече в Центральном Комитете КПСС с руководителями промышленных объединений и предприятий, колхозов и совхозов, производственных бригад, специалистами и учеными. Снова и снова перечитываю речь Михаила Сергеевича Горбачева, выступления своих коллег, председателей колхозов и директоров совхозов. И думаю об одном: речь идет о наболевшем, о том, что требует безотлагательного решения.

Хозяйство у нас, как принято говорить, крепкое. От каждой коровы мы получаем более трех тысяч килограммов молока, почти все молоко продаем первым сортом. В прошлом году план продажи хлеба выполнили полностью. Много строим. В нынешнем году собираемся сдать сорок квартир. Недавно колхоз был награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС.

Перечисляю все это не для похвальбы, а для того, чтобы еще раз поставить вопрос, который часто задаю самому себе: можно ли работать лучше? Ответ один: да, можно! Есть в хозяйстве резервы. Мы их видим. Это и внедрение бригадного подряда, и укрепление дисциплины, и переход на новые технологии. Но сейчас создалось такое положение, что не все зависит от человека, работающего на земле. Полностью согласен с председателем колхоза из Гродненской области А. И. Дубко, который говорил, что районные агропромышленные объединения пока не стали самостоятельными объектами планирования и управления. А главное — каждое ведомство по-прежнему заботится о своих интересах.

Количество организаций, призванных помогать колхозам и совхозам, неуклонно растет. Дробятся, отпочковываются одна от другой. С чего начинают эти новообразования? Выкачивают рабочую силу, создают собственную базу. И все это за счет нашего брата-крестьянина. Уже длительное время четырнадцать хозяйств района не получали ни одного тяжелого трактора. Зато они поступали в районные организации. Есть у нас свои мастерские, свои опытные механизаторы. Дайте нам запчасти, и мы проведем ремонт на месте. Не дают... У «Сельхозтехники» свой план. И она требует: гони комбайны к ней, иначе запчастей не дадим. Гоним, теряем время. Стремительно накручивается стоимость ремонта. А качество его вовсе не заводское, мягко выражаясь, оставляет желать лучшего...

Несколько лет назад заключили мы договор с «Сельхозэнерго» на обслуживание своего электрохозяйства. Сразу перечислили немалую сумму. А в итоге? У работников «Сельхозэнерго» — два выходных дня. Ночных смен нет. И вот в разгар уборочной или зимой при наших-то морозах вдруг какая-то неполадка!.. Сервиса не дозовешься, хоть караул кричи. В конце концов мы были вынуждены расторгнуть договор. И перешли на самообслуживание.

Прежде всего «обираловка» обслуживающих село организаций бьет по отстающим. После майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС многим хозяйствам, находящимся в прорыве, были даны государственные дотации. Иные выбрали уже больше половины. А отдачи почти никакой. Куда ушли деньги? Да они просто перекочевали на банковские счета сервисных предприятий — в «Сельхозхимию», «Сельхозтехнику», «Сельхозэнерго»... А без того слабосильные хозяйства получили срывы договоров, некачественный ремонт, зачастую невыполнение прямых обязанностей.

Рассказывая об этом, сознаю, что не делаю открытий, повторяю всем известное. Видимо, настало время крутых решений. Все организации, обслуживающие село, надо сосредоточить в одних руках одного хозяина — в руках РАПО. Только для этого оно должно обладать жизненными, юридическими правами.

И еще. В своей речи Михаил Сергеевич Горбачев говорил: «Уровень наших хозяйственных кадров вполне позволяет многие проблемы решать на месте. Надо только снять с них путы плохих и лишних инструкций, решительно уменьшить отчетность, освободиться от бумажного круговорота...»

Да, с руководителя первый и самый строгий спрос. Иногда не мешает войти в его положение. Если посчитать, то окажется, что день, два, а то и три в неделю уходят на совещания, заседания. Где он только не должен быть! И попробуй откажись! Таких ярлыков навесят, что жизни будешь не рад. На каждом заседании с руководителя спрашивают за все! Из интереса я однажды подсчитал, сколько общественных и прочих организаций могут учинить разнос руководителю хозяйства. Их оказалось только на районном уровне двадцать восемь!

Хочу, чтобы меня правильно поняли. Не о том речь, чтобы переложить колхозную ношу на другие плечи. Пусть нас по делам судят. Дело, конечный результат, вал и качество продукции — вот критерии. Когда будем ценить людей по делам их, а не по «мероприятиям» и не по «галочкам», тогда уменьшится количество любителей бумажной карусели.

Виталий ПАРФЕНОВ,
председатель колхоза «Красный Октябрь»
Колыванского района

Новосибирская область.

Жилище завтрашнего дня

В прошлом году Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) провела Всемирный конкурс молодых архитекторов.

55 стран представили 250 проектов. По условиям конкурса жилой комплекс должен был гармонировать с окружающей средой и использовать наиболее прогрессивные достижения науки и технологии. Предусматривалось использование этих проектов для строительства в малых городах и сельских населенных пунктах. Международное жюри отобрало десять проектов для павильона «Мир во всем мире» на Всемирной выставке, которая сейчас открылась в Цукубе (Япония). Среди отобранных проектов — макет поселения на сорок семей, представленный питомцами архитектурного факультета Фрунзенского политехнического института Александром Зусиком, Сергеем Рыспековым, Анатолием Загрудным и Татьяной Рыспековой. Наш корреспондент встретился с руководителем группы кандидатом архитектуры А. Зусиком перед его вылетом в Японию, на выставку «Цукуба Экспо-85».

— Александр Иванович, расскажите чуть подробнее о конкурсе, в котором вы приняли участие.

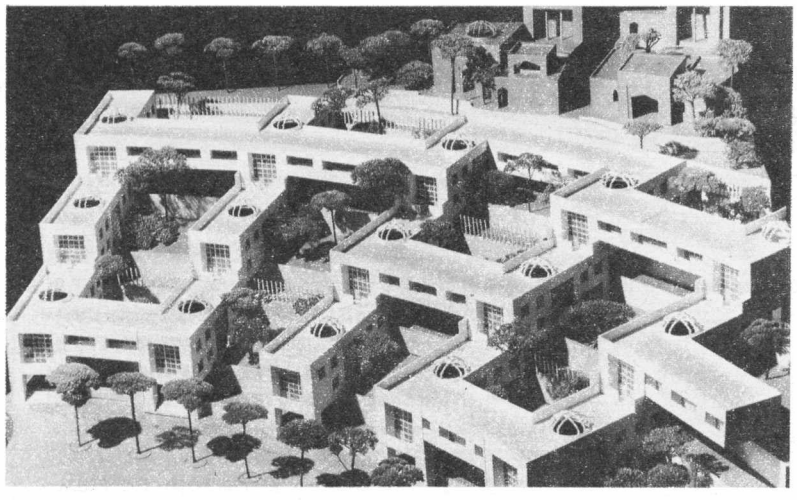
— Национальные туры конкурсов были проведены в 72 странах — членах ЮНЕСКО. Заключительный тур прошел в Париже, в штабквартире этой организации. Я рад сообщить читателям «Огонька», что среди лауреатов два коллектива из СССР. Это бригада архитекторов из Киргизии и архитекторы из Белоруссии Валерий Кесекевич и Николай Пушков. Почетного диплома удостоена еще одна бригада из Белоруссии: Игорь Морозов и Александр Марченко.

— В решении жюри содержится высокая оценка вашего проекта. Расскажите, как он создавался.

— Основой проекта стал «домпосредник». В этом «жилище-посреднике» мы используем идею не слияния культур Востока и Запада, а сохранения, взаимообогащения ими друг друга.

Жилище завтрашнего дня — это не воздушные замки или поселения для неведомых цивилизаций. Это прежде всего гуманная среда для жизни человека на мирной Земле. Мы старались сделать жилище будущего не только комфортабельным, но и романтическим, органично включенным в природное окружение. Проект предусматривал превращение жилища в своеобразную «экологическую машину», чутко реагирующую на изменения внешней среды. Защищая обитателей нашего поселения от резких ветров зимой, от зноя летом, проектируемое жилище в то же время улавливает благодатные бризы с озера и гор.

Жилой поселок на сорок семей можно построить на берегу озера Иссык-Куль вокруг «Кумысной поляны»—традиционного места проведения советов рода, праздников, игр, конноспортивных состязаний, ярмарок. В планировочном решении заложены одновременно два принципа. Первый — принцип организации кочевого стойбища киргизов-кочевников, которые располагали юрты подковообразно, с раскрытой внутренней зоной в сторону прекрасного озера. Второй — принцип оседлого среднеазиатского поселения, построенного как «ковер» жилых помещений, стелющихся по рельефу местности. Этот «ковер» пересекают крытые улицы, на которые словно нанизаны магазины, пункты бытового обслуживания и чайхана... Мы предусмотрели размещение в домах-ячейках многодетных семей, в которых живут представители трех поколений. Здесь людям будет удобно жить и в соответствии с традиционным укладом, свято соблюдая законы гостеприимства, законы почитания старших... И, конечно, здесь будет комфорт, который может предоставить современная технология.

На снимке: проект поселка, который сейчас демонстрируется на Всемирной выставке «Цукуба Экспо-85» (макет).

Беседу вел Юрий РОМАНОВ.

НЕ ВСЕ СКАЗАЛИ О ВОЙНЕ...

Владимир ЖУКОВ,
лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького

Я фронтовик, пулеметчик. Ушел на войну поэтом, поэтом с нее и вернулся. Раны и ордена достались мне поровну. Вместе с горьким и бесконечно дорогим фронтовым опытом. На фронте мой кругозор замыкался сектором обзора сквозь прицел станкового пулемета — справа налево, веером. Потом, когда я стал командиром пулеметного взвода, сюда прибавились отрытые обыкновенно наспех ходы сообщения, с ответвлениями вглубь, под брустверр для защиты от танковых гусениц и осколков снарядов. (Она спасала, мать-сыра земля, и не раз!) Многое, оказывается, можно было увидеть и понять на войне из крохотной пулеметной ячейки.

Есть у меня одно недавнее стихотворение, в котором такие последние строки:

...Возможно, кто-то скажет мне,
Зачем я рассказал все это?..
А чтоб сказать вам, что поэты
Не все сказали о войне.

Сейчас, думается, обращение в литературе и искусстве к теме войны требует наряду с конкретными реалиями уже больших философских обобщений и вместе с тем поиска не затронутых еще нравственных, психологических аспектов этой неисчерпаемой, священной для каждого из нас темы. А сколько поразительных фронтовых ситуаций, эпизодов, судеб, ждущих своего отображения, хранит память участников войны!

Все это не только прошлое. Ратным и трудовым подвигом народа в годы войны мы поверяем наши сегодняшние дела и свершения, наши идеалы, наше мирное будущее. Неслыханные жертвы, понесенные нами в битве с фашизмом во имя всего человечества, должны стать залогом прочного мира на планете, чтобы грядущие поколения никогда не испытали того, что довелось испытать нам.

Об этом, как, впрочем, и о многом другом, шла речь на Объединенном пленуме правлений творческих союзов в Кремле в преддверии 40-летия нашей Великой Победы.

Среди делегатов пленума немало было фронтовиков с боевыми наградами на груди, и, когда зал встал почтить память павших минутой молчания, нас вновь захлестнуло чувство фронтового братства и опять прошли за долгую минуту эту в сердце перед глазами 1418 дней и ночей войны, не вернувшиеся с полей сражений однополчане, друзья-товарищи...

Вспомнил я, как бились мы весной сорок пятого в Высоких Татрах, как освобождали Прагу, как бросили нас 9 мая отсечь прорывавшуюся на запад к американцам ударную группу эсэсовцев... Какие ребята полегли тогда, уже после Победы!..

А еще я вспомнил своего ивановского однокашника Колю Майорова. Мы вместе начинали писать стихи. Но куда мне было до Коли! Его крепнувший талант приметил у себя на семинаре Антокольский. Николай Майоров убит под Смоленском. Покойный Кульчицкий находил наши стихи похожими и говорил: «Вам бы разминуться как-то». Вот и разминулись... Теперь пишу за него. В нашем родном текстильном Иванове.

Только нет и не будет
такого пера,
чтоб стихами за жизнь
расплатиться.

Стихи же я продолжал складывать всю войну, в перерывах между боями, и давал героям подлинные имена — не для них, погибших: они уже послужили Родине,— а для их близких, в малое утешение к похоронкам. Рукопись первого сборника послал в издательство в апреле 45-го из медсанбата. Книжка вышла через год и называлась «Солдатская слава».

А осенью сорок пятого я возвращался на крыше вагона домой из-под Львова, где выпало еще повоевать в непроходимых местах с остервенелыми бандеровскими бандами. И снова гибли товарищи. Перед Харьковом разобрал и разбросал на ходу с крыши трофейный парабеллум. И явился в отчий Иваново-Вознесенск в ушанке с оторванным ухом — начинать мирную жизнь...

Много воды утекло с тех пор. И все же нет-нет да и приходят по ночам те страшные военные сны. И, задыхаясь, тянешься спросонок, весь в поту, к подоконнику за «лимонкой». Потому-то особенно тронули душу выступления на пленуме коллег-фронтовиков.

Хороший это получился разговор. Откровенный, серьезный, деловой. И без всякой помпезности, фанфар, хоть и в канун столь знаменательной годовщины Дня Победы. Так и должно быть. Ведь от нас, творческих работников, партия и народ ждут не громких слов, не «сочинительства», но правды и честности. Лишь они помогают шагать дальше, созидать наше завтра.

Некоторые важные мысли, высказанные с трибуны пленума, еще предстоит обдумать наедине с собой, дать им отстояться в сознании, чтобы затем приложить их к своему труду, к своей жизни.

С МЫСЛЬЮ О НОВЫХ СВЕРШЕНИЯХ

Ходжакули НАРЛИЕВ,
первый секретарь правления Союза кинематографистов Туркменской ССР, лауреат Государственной премии СССР

С чувством глубокого волнения ехал я в Москву на Объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций. Участие в работе пленума руководителей партии и правительства во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым — еще одно проявление постоянного внимания и заботы о развитии многонациональной советской культуры.

Очень скоро в наш дом придет большой праздник — День Победы. Четыре десятилетия — срок немалый для человеческой жизни. Оглядываясь на минувшее, вижу труд людей, которые не только залечили раны войны, но и совершили грандиозный по своим масштабам рывок вперед. Да, велик советский народ. Велик и в помыслах, и в делах.

О подвиге и мужестве в годы Великой Отечественной войны рассказано много — в литературе, в изобразительном искусстве, в кинематографе, театре, музыке. Но, как и сорок лет назад, мы в неоплатном долгу перед человеком, ушедшим на фронт. В неоплатном долгу перед теми, кто кровью своей, жизнью своей подарил нам день сегодняшний и завтрашний. А это значит, что мы, работники искусств, должны создавать произведения, правдиво, на высоком профессиональном уровне отражающие героизм советского народа на фронте и в тылу. Это святое дело каждого художника.

Серьезно, по-деловому, с большим творческим запалом проходили заседания. Мы услышали интереснейшие выступления, выражающие мысли и чаяния каждого работника цеха искусств. Наша задача ясна: создавать произведения, проявляющие личную причастность к происходящему, нести личную ответственность за содеянное. Ведь по нашим работам последующие поколения будут судить о времени Великой Отечественной войны, о конце двадцатого столетия. Следовательно, мы обязаны строже относиться к творчеству, как к собственному, так и своих товарищей.

Наши идеологические противники показывают жизнь Страны Советов в искаженной, фальсифицированной форме. И противопоставить им мы должны убедительный рассказ о советских людях, о нашей действительности.

Нынешний пленум еще раз отметил важность задач, стоящих перед каждым работником искусств нашего многонационального Отечества. Художественная интеллигенция всегда была, есть и будет помощником партии во всех ее делах, в том числе и в воспитании человека.

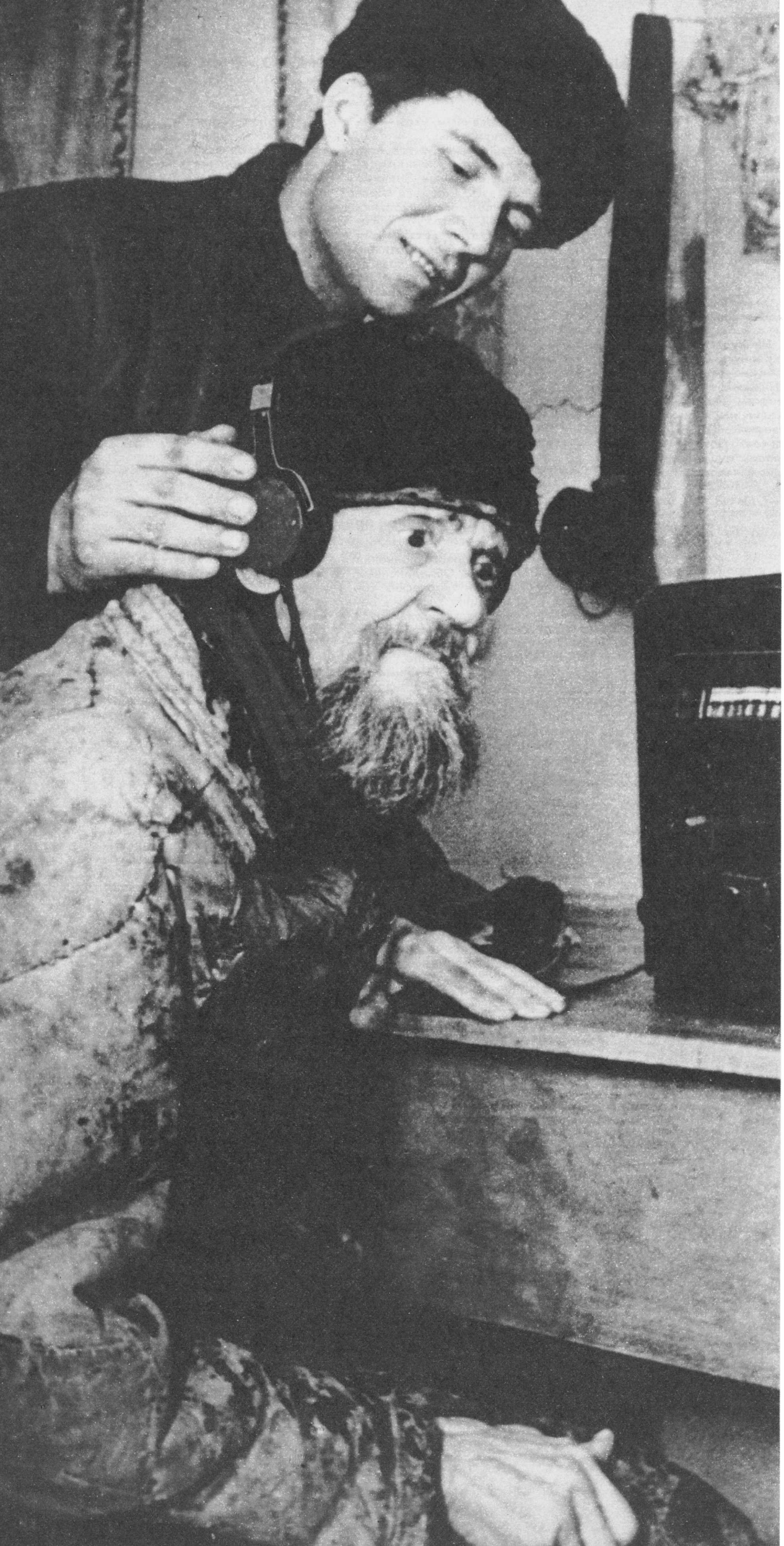
Мое поколение пережило войну. Помню всеобщее ликование в День Победы. Помню, как встречали солдат, моих земляков. Как давно это было! Сегодня над нашей страной светит солнце мира. И пусть оно не заходит никогда!

ЮБИЛЕЙНАЯ МЕДАЛЬ

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР УЧРЕЖДЕНА ЮБИЛЕЙНАЯ МЕДАЛЬ «СОРОК ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.»

1.

40 ЛЕТ ПОБЕДЫ

1. Голос Москвы.

2. П. П. Вершигора после потопления фашистских кораблей. Апрель 1943 г.

3. Партизанские соединения Попудренко форсируют водные препятствия.

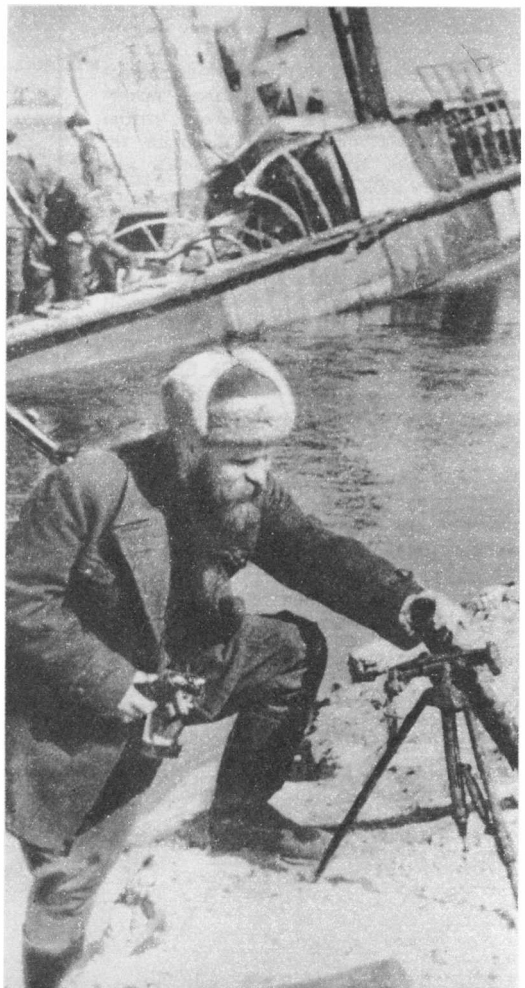
4. Партизаны отдыхают после тяжелого многодневного боя.

5. С. А. Ковпак, А. Ф. Федоров. Апрель 1943 г.

Фото Якова Давидзона

НАРО

2.

3.

ДНЫЕ МСТИТЕЛИ

4.

5.

«Новинка» — старая дубинка,
А «упаковка» — маскировка.

Толкует факты не впервой
Ногами вверх, вниз головой.

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Вершат позорные дела:
Такая «помощь» — кабала.

21 апреля 1945 года Польша и Советский Союз подписали Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. В настоящее время тысячами животворных нитей связаны экономики СССР и ПНР, сотни промышленных объектов Польши оснащены советскими машинами и оборудованием. Благодаря этой помощи, поддержке других братских стран народная Польша преодолевает трудности, укрепляет свой международный авторитет. Новым важным вкладом в развитие многостороннего взаимодействия стала подписанная в минувшем году «Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР на период до 2000 года». Об одном из примеров такого сотрудничества рассказывает польский журналист.

ГОРНЯКИ ГОВОРЯТ «СПАСИБО!»

Витольд СТЕФАНОВИЧ,
корреспондент польского радио и телевидения в СССР

Для меня, польского тележурналиста, эта поездка была одинаково интересной и трудной. Телевидение ПНР решило рассказать о работе шахтеров Карагандинского и Кузнецкого угольных бассейнов, где широко используется горная техника и оборудование из Польши.

Как показать телезрителям, к примеру, механизированный угольный комплекс «Пиома», если для его перевозки нужен целый железнодорожный состав? Всю дорогу мы с оператором Борисом Соколовым обсуждали детали предстоящей работы, еще не зная, что результатом поездки станет не один, а целая серия телерепортажей о сотрудничестве горняков двух стран. Репортажи из Караганды и Новокузнецка вызвали в адрес нашего телевидения поток писем. Если спросите меня, что явилось ключом к успеху, я отвечу не задумываясь: «Люди!»

В странах — членах Совета Экономической Взаимопомощи две страны — Польша и Советский Союз производят угледобывающие комплексы. Польские горные комбайны для проходки подземных штреков способны прокладывать коридор высотой до четырех метров. Поскольку в нашей стране такие мощные залежи сейчас практически не встречаются, по взаимной договоренности было решено оснастить этими проходческими машинами новые шахты в Казахстане и Западной Сибири. Взамен польские горняки получают из СССР оборудование для разработок менее мощных угольных пластов.

— В нашем бассейне работает десять комплексов «Пиома»,—рассказал генеральный директор объединения «Карагандауголь» Николай Александрович Дрыжд.— Их монтажом и доводкой занимаются как польские, так и советские инженеры вместе с рабочими. Отзывы о технике самые хорошие, ведь в комплексе учтены новейшие достижения угледобычи — есть специальный агрегат для борьбы с пылью, взрывозащитная аппаратура. Но железо без человека мертво! Вот когда вы поближе узнаете наших людей, сами в этом убедитесь...

Так и получилось. Да, для шахтеров слова «дружба», «сотрудничество» полны особого смысла. Бок о бок трудятся советские и польские специалисты. «Горняк горняка видит издалека»,— шутят здесь, и в этом юморе кроется большая истина. Поляки даже в разговорах между собой употребляют русские слова, а в речи карагандинца нет-нет да и проскользнет польское словечко. В беседах с нами советские шахтеры больше рассказывали о своих польских друзьях, а поляки — о советских коллегах: «На шахте имени 50-летия Октябрьской Революции есть замечательный человек, мастер своего дела Виктор Филиппович Самолюк. Не будь его, адаптация к местным условиям, несомненно, могла затянуться, а это на пользу дела не пошло бы»,— говорил руководитель бригады польских специалистов Хенрик Качмаржик. «Многому мы научили наших друзей, многому научились у них. Техника из Польши работает практически без аварий и экстренных остановок, к тому же ее создатели позаботились о полной безопасности!» — рассказал директор шахты «Нагорная» под Новокузнецком Герой Социалистического Труда Виктор Михайлович Ерпылев.

Более чем в пяти тысячах километров на восток от угольной Силезии исправно несут службу машины, сделанные в Катовицах, Рыбнике, других городах Польши. Спускаясь в советские шахты, я убеждался в этом наглядно. И так же надежно работают машины с маркой «Сделано в СССР», на которых трудятся польские шахтеры.

Караганда — Новокузнецк — Москва.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДОБРАЯ ВОЛЯ МОСКВЫ И МАНЕВРЫ ВАШИНГТОНА

Наш Взгляд

Юрий КОРНИЛОВ

Наша планета буквально прогибается под тяжестью гигантских Монбланов оружия. Развитие международной обстановки подошло к такому рубежу, когда возникает вопрос: что же дальше? Выбор очевиден: либо дальнейшая гонка вооружений по всем направлениям, рост военной угрозы, либо укрепление всеобщей безопасности, прочный мир для всех.

Советский Союз последовательно выступает за сохранение и упрочение мира. Новым ярким свидетельством глубокого миролюбия СССР стали крупные внешнеполитические инициативы, о которых говорил товарищ М. С. Горбачев в беседе с редактором газеты «Правда», подтвердив их и в беседе со спикером палаты представителей конгресса США. В ходе этих бесед со всей силой подчеркнуто, что Советский Союз искренне стремится к достижению конкретных договоренностей на советско-американских переговорах в Женеве и хочет возвращения советско-американских отношений в русло нормального взаимовыгодного сотрудничества и взаимного уважения.

Наша страна — за то, чтобы СССР и США ввели на весь период советско-американских переговоров в Женеве мораторий на создание, включая научно-исследовательские работы, на испытания и развертывание ударных космических вооружений, заморозили свои стратегические наступательные вооружения. Демонстрируя добрую волю, стремясь не только словом, но и делом подтвердить стремление к тому, чтобы остановить и повернуть вспять форсированную материальную подготовку к войне, СССР ввел мораторий на развертывание своих ракет средней дальности, приостановил осуществление других ответных мер в Европе и призвал США последовать этому примеру.

Международные отклики на новые советские инициативы — это тысячи газетных и журнальных страниц, многие километры телетайпных лент. Разумеется, эти отклики неоднозначны: они зависят от того, чьи позиции выражают те или иные зарубежные органы массовой информации, какие силы за ними стоят. Но если вычленить из поступающих сообщений основное, главное, есть все основания сказать: те, кому дорог мир, приветствуют и поддерживают активную и конструктивную внешнеполитическую линию Советской страны.

Советское мирное наступление продолжается и нарастает, но недруги мира отнюдь не сложили оружия. Заявления официальных представителей США прямо-таки пестрят утверждениями в «приверженности США к миру» и «контролю над вооружениями», но что кроется за этой риторикой? Казалось бы, коль скоро у Вашингтона есть, как он утверждает, намерения договариваться, ему надо бы ухватиться за предложения и действия СССР, которые во всем мире расценены как важный и конструктивный жест доброй воли. Но произошло нечто иное, прямо-таки противоположное. Администрация США, проявляя совершенно непонятную поспешность, с ходу объявила о своем отрицательном отношении к советским предложениям. А пытаясь хоть как-то оправдать эту негативную позицию, пустила в ход утверждения относительно некоего превосходства СССР в различных видах ядерных вооружений.

Старая, порядком заигранная пластинка! Стало своего рода правилом: всякий раз, когда администрации надо протолкнуть через конгресс очередную порцию военных ассигнований (а в 1986 финансовом году они превысят 322 миллиарда долларов), поставить на поток производство новых орудий разрушения, заблокировать ту или иную инициативу, направленную на обуздание гонки вооружений, в ход пускается вымысел о несуществующей «советской угрозе», о том, что СССР-де «безудержно наращивает свою военную мощь». Совсем недавно эти, с позволения сказать, тезисы пустил в ход Пентагон, изготовивший очередное, четвертое по счету издание клеветнической книжонки «Советская военная мощь», единственная цель которой — извратить соотношение сил между СССР и США, Варшавским Договором и НАТО, оправдать агрессивный курс США.

«Я надеюсь, что 1985 год станет годом диалога и переговоров, годом, который приведет к улучшению отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом»,— заявил президент США, выступая в январе на пресс-конференции в Вашингтоне. Нынешний год действительно в известной мере стал «годом диалога» США — СССР. Это факт положительный. Однако именно Вашингтон, хотя он и разглагольствует о своих «надеждах на диалог», делает все, чтобы помешать развитию этого диалога, воспрепятствовать тому, чтобы путем переговоров улучшить советско-американские отношения, продвинуться вперед в решении «задачи № 1» — обуздать гонку вооружений, устранить угрозу ядерной катастрофы.

Миролюбивые силы мира решительно отвергают фарисейскую тактику и милитаристскую политику правящих кругов США, направленную на то, чтобы и впредь подчинять дипломатию и переговоры ракетам и бомбардировщикам. Что же касается СССР, то он сегодня, как и вчера,— за честный диалог, за поиски взаимопонимания. Возможности для оздоровления международной обстановки есть, их нельзя упускать. Дело за Вашингтоном.

Наши песни — гостям XII Всемирного.

XII·МОСКВА·1985

Ждем тебя, фестиваль!

XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов станет центральным событием Международного года молодежи, проводимого по решению Организации Объединенных Наций. «Участие, развитие, мир» — таков девиз года.

Форум в Москве соберет юношей и девушек из более чем 150 стран мира.

Недавно состоялось IV заседание Международного подготовительного комитета XII Всемирного. Высокой оценки заслужил проект программы фестиваля, в котором нашли отражение самые различные политические позиции, принципы и убеждения.

Сто тысяч зрителей станут не только свидетелями, но и участниками красочной церемонии открытия форума юности 27 июля на Большой спортивной арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках. Будут работать пятнадцать тематических центров, среди которых центры мира и разоружения, антифашистский, охраны окружающей среды, научной и творческой молодежи, детский... В фестивальном календаре — 40-летие Победы над фашистской Германией и милитаристской Японией, годовщины атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, образования ООН, подписания хельсинкских договоренностей.

— Сколько молодых гостей из-за рубежа приедут к нам?— спросили мы у председателя Бюро международного молодежного туризма «Спутник» Московского городского комитета ВЛКСМ Владимира Рудакова.

— Помимо членов официальных делегаций, более двадцати тысяч. Их примут лучшие гостиницы столицы, для них планируются интересные экскурсии, посещение театров, концертных залов, выставок, спортивных состязаний. Во многих дворцах и домах культуры уже работают интерклубы, центры союзов молодежи социалистических стран. В интерклубах участники фестиваля встретятся со своими советскими сверстниками.

«Диалог» — один из двенадцати клубов интернациональной дружбы столицы. Там мы беседовали с молодым англичанином Майклом Кроссом, приехавшим в Москву в составе туристической группы.

— Хотелось бы узнать, Майкл, твое отношение к лозунгу предстоящего фестиваля «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

— Очень актуальный лозунг. Под ним собиралась юность планеты в Берлине и Гаване. Не знаю, удастся ли мне приехать в Москву этим летом, но, во всяком случае, буду внимательно следить за ходом форума. В лозунге фестиваля есть слово «мир». Отстоять его — вот главная задача. В Великобритании все меньше остается тех, кто считает, будто проблемы войны и мира решаются вдалеке от их дома.

— Можешь сказать, как это касается лично тебя?

— Конечно. Я работаю библиотекарем в университете. Люблю литературу, спорт, музыку. Словом, люблю жизнь во всех ее проявлениях. А ядерная война — это гибель всего живого.

Вполне обоснованная тревога звучала в словах английского юноши. От него и от его сверстников, составляющих ныне пятую часть населения планеты, зависит, каким будет завтрашний день человечества. XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве должен стать мощной демонстрацией единства демократических сил. Именно поэтому идея проведения подобных форумов вызывает у идеологов империализма патологическую ненависть. Прогрессивная молодежь осудила антикоммунистический шабаш, организованный американской администрацией на Ямайке. Большинство молодежных организаций отказалось участвовать в этом раскольническом спектакле. Создание более чем в 110 странах мира национальных подготовительных комитетов, поддерживающих Московский фестиваль,— свидетельство политической и социальной зрелости молодого поколения.

Каждый день приближает нас к празднику — важнейшему политическому мероприятию, во время которого прозвучит решительное «Нет!» опасным планам милитаристов и громкое, уверенное «Да!» курсу на мир и разрядку. Уже сейчас по праву гостеприимной хозяйки Москва говорит: «Здравствуй, фестиваль! Добро пожаловать, дорогие друзья!»

В. КОВАЛЕВ, А. СОКОЛОВ

Беседы в интерклубе.

●

Татяна Маркова из чехословацкого фольклорного ансамбля «Лимбора», который будет участвовать в культурной программе XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Фото С. ПЕТРУХИНА

СИБИРСКОЕ УСКОРЕНИЕ

21 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
фото Геннадия КОПОСОВА

— Кто это?

— Володя Балакин, интересный экспериментатор.

— Сколько ему лет?

— Шестнадцать.

— Откуда же он взялся в вашей лаборатории?

— Из алтайского села Каяушка.

Так произошла наша встреча с Владимиром Егоровичем Балакиным. Было это в новосибирском Академгородке, в Институте ядерной физики. Шел 1962 год.

...Путь в науку лауреата премии Ленинского комсомола В. Е. Балакина при всей своей индивидуальности весьма характерен для нашего времени.

мастерил, в избе неожиданно раздалась громкая музыка — заработал радиоприемник, который ее младший сделал своими руками.

Заканчивать десятилетку Владимир уехал в районный центр — село Родина. В новой школе был уже физический кабинет, где после уроков собирались ребята. Вел кружок учитель физики Константин Сергеевич Кривенко — ветеран Великой Отечественной, бывший радиотехник. Константин Сергеевич и посоветовал девятикласснику участвовать в первой общесибирской физико-математической олимпиаде, которую проводили ученые Сибирского отделения Академии наук.

Тогда была задумана и начала действовать знаменитая физико-математическая школа академика Лаврентьева в Золотой долине. Педагоги теперь пишут об опыте новосибирцев толстые книги, но мне кажется, что его суть воплощена в трех коротких «заповедях», сочиненных самими ребятами и их профессорами по случаю первого юбилея школы: «Нет ученого без учеников! Учитель не наставник, а старший товарищ, а ученик не сосуд, который следует наполнить, а факел, который надо зажечь! Искать и добиваться, понять и не сдаваться!»

...Письмо в деревню Каяушка пришло рано утром. В числе восьмисот ребят из Сибири, Дальнего Востока, Якутии, Алтая — победителей второго тура олимпиады — девятиклассника Владимира Балакина приглашали на третий тур в новосибирский Академгородок. Письмо подписал академик Будкер. Это так поразило Володю, что не в силах сдержать радость он совершенно неожиданно для себя самого заорал: «Академик! Ура!» Он даже не предполагал тогда, что с этим человеком окажется связана его жизнь...

Третий тур олимпиады Балакин выдержал блестяще. Те ребята, что учились в восьмом классе, поступили теперь в физико-математическую школу, десятиклассники — в молодой Новосибирский университет, а остальные разъехались по домам, унося в сердце твердое желание через год снова вернуться в Академгородок. Уехал бы в свою деревню и Балакин, если бы не посчастливилось ему поближе сойтись с сотрудниками Института ядерной физики. А те, оценив недюжинные способности паренька, его увлеченность физикой, решили не отпускать его на Алтай, а оставить в Академгородке, чтобы он мог работать и готовиться в университет. Так в лаборатории тогда молодого кандидата наук, а теперь заместителя директора Института ядерной физики члена-корреспондента АН СССР В. А. Сидорова появился шестнадцатилетний экспериментатор.

Балакину удивительно повезло. Порог Института ядерной физики он перешагнул в то время, когда все здесь горели желанием создать не виданную нигде в мире установку для познания извечной тайны природы — строения материи.

Писатели, чтобы лучше проявлялись характеры героев, ставят их в конфликтные ситуации. Так решили поступить и физики: столкнуть на огромных скоростях электроны и посмотреть, как поведет себя каскад частиц, родившихся при этом. А чтобы сделать конфликт еще более острым, сталкивать частицы с противоположными знаками заряда — по существу, антимиры. Новый прибор получил название — ускоритель на встречных пучках. Во главе лаборатории, где он строился, стоял тогда двадцатишестилетний исследователь Александр Скринский, теперь академик с солидным стажем, директор этого института.

Справедливости ради следует вспомнить, что идею новосибирских физиков тогда мало кто поддерживал. Помню, сколько мытарств пережила я сама, написав в «Огонек» очерк об их работе. Солидные ученые, к которым очерк был послан на консультацию, предупреждали: у сибиряков ничего не получится.

Но успех к ним пришел. Даже не успех — слава. О новой работе заговорили на международных конференциях, ведущие физики страны поздравили сибиряков с победой. В 1967 году среди ученых, получивших Ленинскую премию за создание нового типа ускорителя и эксперименты на нем, были директор института А. М. Буднер, А. Н. Скринский, В. А. Сидоров...

Еще школьником почувствовал себя Балакин полноправным членом «команды Сидорова», ведущей эксперименты на новой установке. Если его не было поблизости, старшие товарищи говорили, тепло улыбаясь: «У паренька не только хорошая голова, но и золотые руки». Владимир сдал экстерном экзамены за десятый, поступил в Новосибирский университет. С третьего курса стал вести практические занятия по физике в ФМШ, в которой раньше мечтал учиться.

1968 год. Новосибирский университет окончен. В этом году Балакин начинает исследования в области элементарных частиц, за которые получит премию Ленинского комсомола. Интересно, что он выступает в этих работах не только как экспериментатор, но и теоретически объясняет новый, обнаруженный в лаборатории эффект в мире элементарных частиц.

Помню, как весьма своеобразно писал Балакин кандидатскую диссертацию. Стиль работы этого института таков: сначала конкретные исследования, эксперимент, установка, словом, сначала общее дело, потом твоя личная диссертация. О том, чтобы уйти в творческий отпуск для работы над диссертацией, и речи быть не может. Да, сколько я знаю, здесь и в нормальный отпуск все уходят со скрипом. Балакин, например, не был четыре года.

— Почему? — спрашиваю.

— Некогда, много работы.

Точно так же «некогда» было ему оформить материалы диссертации, уже воплощенной в кон-

Ученый совет Института ядерной физики.

Лаборант А. П. Федоров готовит к работе импульсный линейный ускоритель.

кретных исследованиях. И публикации были, и эксперименты. Но оформление — дело скучное для глубокого и деятельного ума Балакина. Не возвращается он к достигнутому, стремится только вперед. Такой характер. Наконец, руководитель лаборатории Вениамин Александрович Сидоров рассердился и пригрозил, что отберет у Владимира пропуск в институт. Пришлось покориться. Диссертация была защищена с блеском.

А вскоре Владимир опять удивляет коллег. Он уходит из лаборатории Сидорова.

— Его ждало здесь будущее хорошего ученого, докторская была почти готова,— рассказывал мне ученый секретарь института доктор физико-математических наук С. Г. Попов, тоже знавший Балакина еще школьником.— А он все бросил, по существу, сменил специальность, ушел на новый проект, который, может быть, даст выход лет через десять—пятнадцать. Тернистый путь! Не каждый на это решится... Целеустремленный человек Владимир.

Что же это за новый проект?

Идея его принадлежит академику А. М. Будкеру. Ученый понимал, что разумный предел циклических ускорителей на встречных пучках, за которые он в свое время с такой страстью сражался, тоже будет скоро достигнут, и искал новые способы прорваться в высокие энергии. Сибиряки нашли такой способ: надо отказаться от кольцевых ускорителей, которые строит сейчас весь мир, и вернуться к линейным, но на принципе все тех же, открытых ими двадцать лет назад встречных пучков. Заставить два линейных ускорителя стрелять навстречу друг другу сгустками электронов и позитронов. Иными словами, построить два гигантских... микроскопа, попадающих своими пучками друг в друга.

Идея грандиозная — совершенно неожиданная, оригинальная, смелая. Никаких рекомендаций и заделов в мировой практике нет. Все надо начинать с нуля.

Вот на этот проект и ушел, бросив все, Владимир Балакин, вскоре став руководителем лаборатории. Здесь, в институте, лаборатории именные, в стиле работы каждой сказывается своеобразие ее руководителя как ученого. Поэтому такая честь и ответственность быть завлабом. Если «голова перестает тянуть» — лаборатория расформировывается. Если вырастает сильный исследователь с собственным кругом важных проблем — образовывается новая. «Молодость — единственный недостаток, который проходит со временем»,— подбадривал Владимира академик Будкер.

И опять, как и двадцать лет назад, появились у сибиряко́в активные оппоненты. Весьма известные физики на конференциях даже пари держали: «Принципиально нельзя достигнуть таких ускорений, как предполагают авторы проекта».

— Теоретическую проработку нового ускорителя мы начали еще в лаборатории Сидорова,— вспоминает Балакин.— Несколько лет у меня не было никаких публикаций. Ведь я работал раньше на эксперименте в области физики частиц высоких энергий, а тут пришлось сменить профессию, перейти в ускорительщики, стать, по существу, инженером. Но Андрей Михайлович Будкер всегда нас учил: «Если вам для эксперимента требуется новый прибор, не ждите, что кто-то сделает его вам,— создавайте сами».

Из института Балакин уезжал обычно с Будкером часов в 9 вечера. Наспех ужинали и шли бродить по дорожкам в Золотой долине. И говорили, говорили. О новом ускорителе, конечно. Останавливались. Владимир что-то записывал. Нередко потом дома до утра делал расчеты. Он и в больницу к Андрею Михайловичу прибежал, чтобы поделиться сделанным. Хотел, как всегда, подняться в палату, но его не пустили. Минуты назад Андрея Михайловича не стало...

...Прошло несколько лет, и вновь я иду по улицам новосибирского Академгородка. Зима еще дает о себе знать двадцатиградусным морозом, но мартовское солнце уже пригревает и снег почему-то пахнет яблоками, как бывает ранней весной.

Март — самое лыжное время в Сибири. В вестибюле Института ядерной физики читаю, что сегодня, в воскресенье, все на лыжных соревнованиях.

Вместе с фотокорреспондентом Геннадием Копосовым спешим на лыжную базу. Так и есть, все здесь с чадами и домочадцами. Балакин тоже на лыжах с женой и двумя сыновьями.

— Знакомьтесь, мой младший, Андрей,— говорит он. И добавляет:— Назвал в честь Андрея Михайловича. Теперь ему уже шесть.

Приз на состязаниях взяла лаборатория Балакина «за массовость». Прямо на снегу расположились пить чай с выигранным тортом. А затем, отправив детей домой, заглянули в институт. Ведь приборы физиков работают круглосуточно и без воскресений.

— Проект нового ускорителя полностью имеет теперь физическое обоснование, а где надо — экспериментальное,— рассказывает Балакин.— Вместе с Александром Николаевичем Скринским мы были в Англии на европейском совещании по будущим ускорителям. Наш проект является уже общепризнанным.

Был я и в США на международном семинаре по этому же вопросу. Три часа до обеда и столько же после перерыва простоял у доски, давая пояснения о нашем ВЛЭППе — так мы его сокращенно назвали.

Сейчас Президиумом Академии наук страны эта работа объявлена важнейшей задачей в области физики элементарных частиц. Ведь освоение новых, более высоких энергий всегда приводило к новым открытиям.

Есть у Балакина еще одна любимая работа. В отличие от грандиозного проекта ВЛЭПП она не требует огромных затрат и ведется почти на общественных началах.

«Побочное» это детище лаборатории Балакина рождено для медицины. Называется оно ТРАПП, что расшифровывается — терапия рака протонным пучком. Установка должна одновременно и исследовать, и лечить больного. В мечтах ученых работать она будет так: в кресло садится пациент, и пучок протонов малой интенсивности, что значительно безопаснее для организма обычного рентгена, просвечивает больного. Изображение появляется тут же на экране телевизора. Врач световым пером очерчивает зону, скажем, опухоль, которую надо поразить сильным протонным облучением, и подчеркивает наиболее нежные ткани, которые, наоборот, нельзя облучать. ЭВМ автоматически выбирает режим и дозу облучения, дает команду повернуть кресло с пациентом, чтобы тончайший пучок протонов попал на больное место, не затронув здоровые ткани. Вся операция занимает минуты.

— Пока мы работаем как физики,— рассказывает Владимир Егорович, показывая отдельные детали будущей установки,— но, конечно, потом к нам присоединятся медики.

Создание такой медицинской установки впереди, но основные физические идеи подтвердились: можно сделать ее дешевой, простой в эксплуатации, чтобы все крупные поликлиники могли ею пользоваться.

— А как ваша докторская,— спрашиваю.— Когда собираетесь защищаться?

Балакин отмахивается: «Не до того».

Его душу, силы, ум, время забирают проект нового ускорителя и эта медицинская установка.

— Докторская у него давно наработана, и публикаций больше чем достаточно,— говорил мне потом заместитель директора института член-корреспондент АН СССР В. А. Сидоров.— Защищаться он может хоть завтра по совокупности работ. Надо будет заставить его это сделать в ближайшее время. Меня другое беспокоит. Конечно, Владимир — сильный человек, с глубоким умом, трудолюбивый, очень самостоятельный в науке и в жизни. Сейчас ему 39 лет. Приходит зрелость, и он оправдывает себя как руководитель по-настоящему большого дела, такого, как разработка и строительство нового ускорителя национального масштаба. И запас возраста у него есть — ведь осуществление нового проекта требует времени, а Балакин, после ввода в строй этого ускорителя, успеет на нем и поработать. Но уж очень он горяч, резок в суждениях. Даже когда прав, его резкость обижает. А уж если не прав... Понимаю, что это идет оттого, что Владимир — человек ко всему неравнодушный, увлеченный. Он не промолчит, если считает что-либо неправильным.

Наверное, именно поэтому и директор института академик А. Н. Скринский, считающий, что Балакин «серьезный, сложившийся физик, плодотворно работающий и как исследователь, и как инженер-разработчик», говорил мне:

— Владимир внес определяющий вклад в формирование и концепцию линейных встречных пучков — одного из наиболее перспективных подходов в физике будущего. Единственно, что я пожелал бы ему,— большей терпимости к чужому мнению и доброжелательности к коллегам. Это сделает нашу общую работу еще более плодотворной.

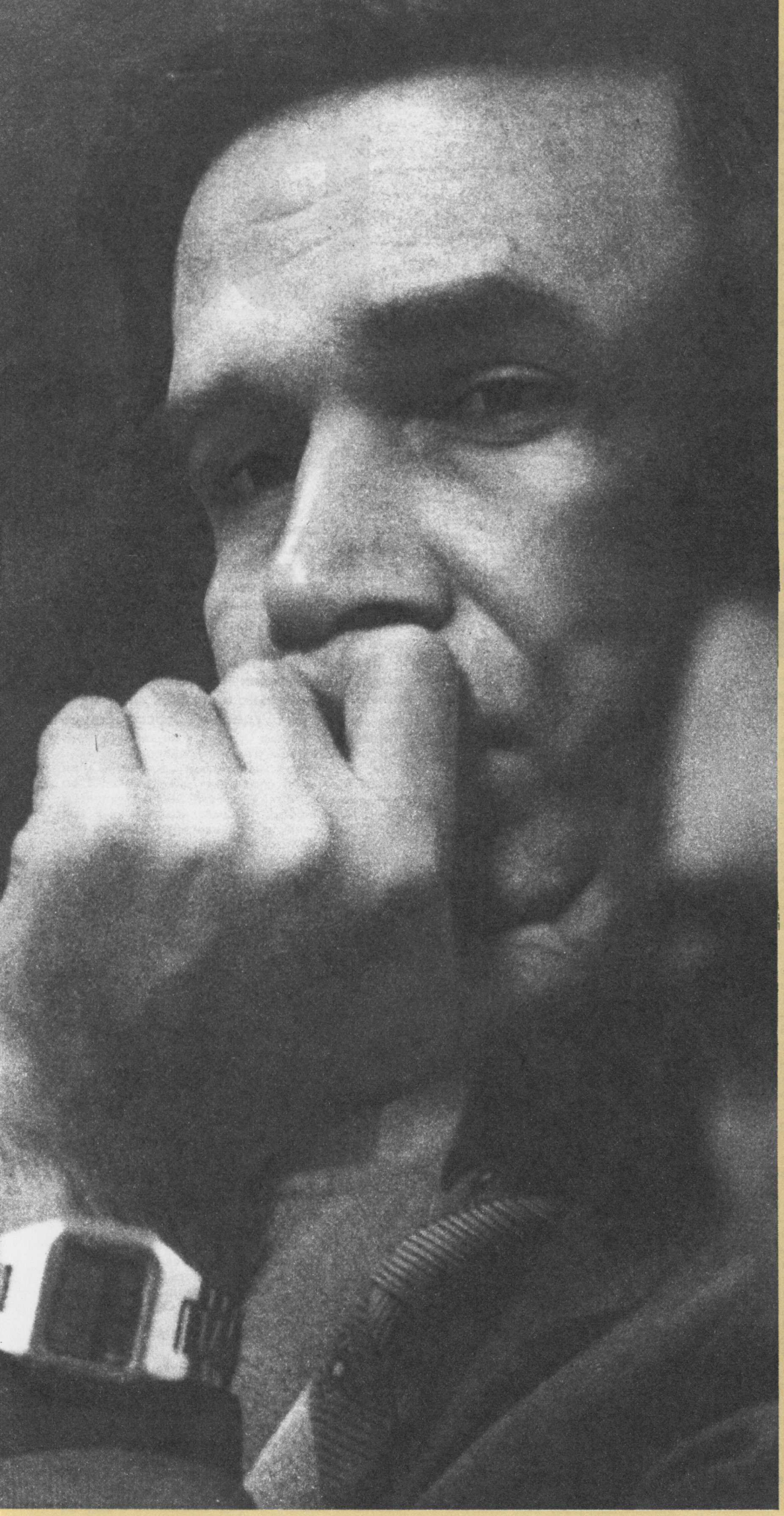
Требовательно относятся здесь друг к другу, думаю я, слушая ученых. Так было с первого дня основания института. Наверное, еще и поэтому так быстро растут и мужают здесь исследователи.

— Владимир, а что бы вы сами пожелали молодежи?— спрашиваю я Балакина.

— Обычно молодым желают скорейшей самостоятельности, дерзости, поиска своего пути в жизни и в науке,— говорит он, подумав,— может быть, несколько лет назад и я бы посоветовал того же. Но теперь мне хочется пожелать молодым другое — не спешите скорее вырваться из сферы влияния своих учителей, если судьба подарила вам это счастье — иметь настоящего наставника. Я больше стремился к самостоятельности, чем было надо. Дело не в том, что ошибался и ушибался,— это нормально. И еще, наверное, будут и ошибки, и ушибы. Их ведь не минуют и зрелые люди, а не только молодые. Дело в том, что каждый день, прожитый рядом с твоим учителем, бесценен, а потерянный — невосполним. И от них, наших учителей, получаем мы то ускорение, с которым пойдем по жизни.

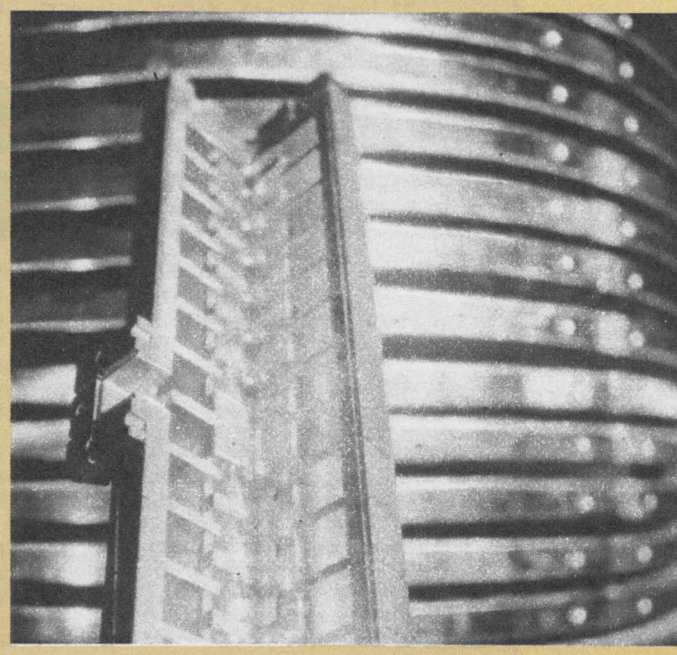

Владимир Егорович Балакин.

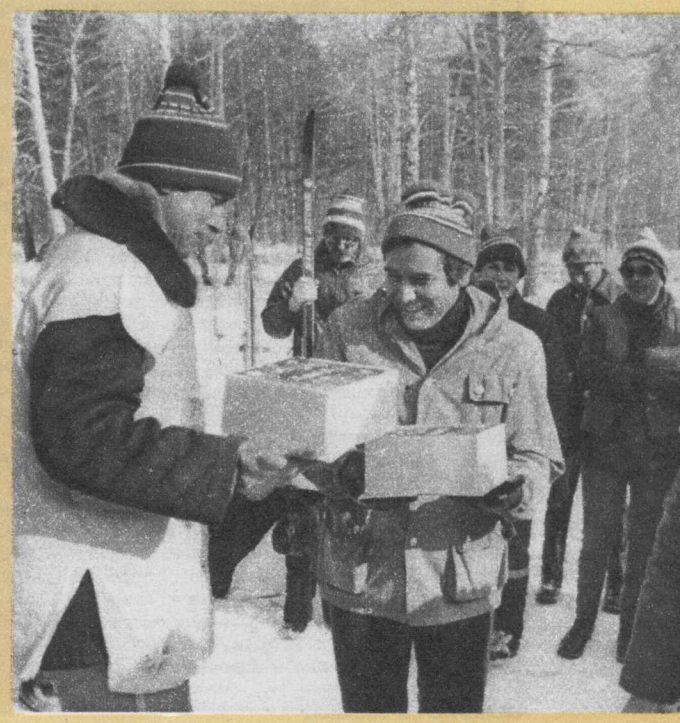

«А может, попробуем теперь по-другому!»

Элемент ускоряющей системы ВЛЭПП.

Лаборатория Балакина выиграла лыжные состязания. Приз в виде торта принимает сам руководитель.

МИКРОФОНЫ ПОБЕДЫ

Во время войны и в первые послевоенные годы основной выпуск «Последних известий» начинался в 23 часа 30 минут по первой программе, а по второй — в 22 часа. И вот как-то приносят важный материал: «Срочно в эфир!» А Левитана в студии нет.

— Говорит Москва! Московское время...—по-левитановски начинаю я, не жалея голосовых связок! Вижу лицо ошеломленного тонмейстера, он уменьшает громкость звука...

Самыми долгожданными, самыми радостными словами в эфире в то время были: «Концерт окончен»— и пауза. Слушатели знали, что после этого по радио передадут важное сообщение. Все ждали победных вестей с фронта.

В студии «А» Дома звукозаписи я веду симфонический концерт. Дирижирует профессор А. И. Орлов. В оркестре расставлены микрофоны. Тихонько открывается дверь, диспетчер протягивает мне полоску бумаги. Пробираюсь к скрипкам, куда тонмейстер переставил дикторский микрофон, и вместо того, чтобы объявить «Арагонскую хоту» Глинки, неожиданно для оркестра говорю: «Концерт окончен».

Как просветлели лица оркестрантов! И помолодел милейший Александр Иванович. И через несколько секунд из студии на Никольской звучит на весь мир голос Левитана: «От Советского информбюро...»

Сколько было таких радостных мгновений! А вот ночь с 8 на 9 мая 1945 года не забыть никогда. На дежурство в радиокомитет пришла очередная бригада дикторов: Ольга Высоцкая, Елизавета Отъясова, Эммануил Тобиаш и автор этих строк. Теплый майский вечер в столице. У подъезда радиокомитета — множество легковых машин с поднятыми антеннами. В дикторской непрерывные звонки: «Когда? Ну, когда же? Вы, дикторы, все знаете!..»

А мы так же, как и все, с замиранием сердца ждали сокровенной минуты. Левитан сдержанно, будто берег силы на главное, читал последние сообщения. Вот он вошел в дикторскую.

— Юрка!— бросается к нему Высоцкая.— Ну, скажи, не мучай!

Левитан молчал.

Хорошо помню просторную комнату с диванами, покрытыми парусиновыми чехлами,— дикторскую. Мы сидим на них в оцепенении. Задерживается ночной выпуск «Последних известий». Прибегает редактор со сводкой. Высоцкая и Тобиаш идут читать. В дикторской остается вторая пара — Отъясова и я. Левитан прощается с нами, уходит. Он живет близко, на улице Горького. Около часа ночи диспетчер приносит нам большую статью из журнала «Война и рабочий класс». Читаем ее попеременно — Отъясова, Тобиаш и я. Высоцкая в это время ведет концерт по другой программе. Слышим из репродуктора ее голос: «Передачи будут продолжаться до трех часов тридцати минут». Это новость! Вещание тогда заканчивалось в два ночи...

Тобиаша срочно вызвали к председателю радиокомитета. У диспетчера Елизаветы Соловьевой звонили все восемь телефонов сразу! Чуть побледневшая Елизавета Ивановна получает распоряжение:

— В два ноль-ноль концерт закончить... Три раза объявить о важном сообщении. Подключить все станции и передатчики страны... Давать позывные до двух часов десяти минут!

Левитан уже здесь! С отпечатанным на глянцевой бумаге текстом.

— Юрочка! Кончишь читать — нажми сигнал в тонфильм. Не забудешь, Юрочка?— волнуется диспетчер.

Остаются считанные секунды. Поблескивая очками, Левитан страшно медленно (или так кажется?) идет в студию № 11.

Мне знакома маленькая, со звуконепроницаемыми стенами комнатка. Ясно вижу, как он садится за светлый полированный стол, наклоняет лампу. Прыгнула стрелка электрических часов, вспыхнуло табло «Микрофон включен!».

— Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза...

Не верится! Так ждали. Полная капитуляция врага. Фашистская Германия повержена. Каждое слово — удар набата. Мир!

Прильнув к новенькому динамику, я слушаю Указ об установлении Праздника Победы. Звучат гимны стран-победительниц. Левитан возвращается в дикторскую. Тихо спрашивает:

— Ну, как читал?

Что за вопрос! Комнату нашу не узнать. В ней чуть ли не сто человек! Дикторы, редакторы, техники. Дикторы иностранных редакций. Поздравляют, обнимают друг друга, не стыдясь слез.

Через час документы зачитываются снова.

У нашей бригады счастливое, многотрудное утро! Читаем для Сибири, для Дальнего Востока... Еще и еще раз звучат в эфире слова великого торжества...

Б. РЯБИКИН,
диктор Всесоюзного радио в годы Великой Отечественной войны

Велик обыкно

...Мир ждал этого человека, человек явился, указал путь, и этим путем люди пойдут до конца, имея впереди светлый образ бессмертного вождя,— так писал о Ленине, выражая мысли миллионов своих современников, Максим Горький.

Сегодня под этими строчками могут подписаться сотни миллионов людей, живущих не только в странах социализма, но и там, где еще господствует капитал.

— Кто, по-вашему, самый великий человек XX века! — с этим вопросом корреспондент «Огонька» в разное время обращался ко многим видным зарубежным общественным и политическим деятелям, писателям, художникам.
Сегодня мы публикуем часть их ответов.

ИЗАБЕЛЛА БЛЮМ,
член Президиума Всемирного Совета Мира (Бельгия):

— Не задумываюсь, Ленин! И не только потому, что я коммунистка. Ленин указал путь человечеству в XX век и в будущие века.

С тех пор, как люди открыли огонь, мир не переживал большего подъема, чем тот, который охватил его после ленинской революции.

XX век взрослел на моих глазах. Когда ему, «безусому подростку», исполнилось семнадцать, он вдруг круто повернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал своей дорогой. Только один человек предвидел это тогда — Ленин. Многие в ту пору были уверены, что наш век «остепенится, раскается» в своем поступке. Но этого не случилось. «Подросток» шел и шел напрямик. С каждым годом его шаги делались тверже, шире. Он стал плечистей, крепче и, что самое главное, увереннее. Он испытал голод, войну, но от этого сделался только мудрей.

Он брал уроки у Эйнштейна, зачитывался Горьким, Ролланом, Фейхтвангером, Драйзером. Но прежде всего изучал Ленина! Он первым побывал в космосе. Он за мир, дружбу, равенство и братство между народами — ленинский XX век. Он не допустит новой катастрофы, несмотря на то, что обладает оружием самой страшной разрушительной силы.

Я верю в него, потому что свой решающий шаг он сделал в семнадцать, когда мужает ха-

К 115-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

ИЙ, ВЕННЫЙ

рактер. Потому что его наставником и учителем был великий Ленин.

Дух борьбы за равноправие, рожденный революцией Ленина, живет сегодня в сердцах миллионов.

АНДРЕ СТИЛЬ,
писатель (Франция):

— Бесспорно, Ленин! Я родился в 1921 году, а мои сознательные воспоминания относятся к тридцатым годам. И все же я считаю, что рос и воспитывался под влиянием Октябрьской революции в России, детища Ленина.

Когда я появился на свет, мои родители жили в маленьком шахтерском поселке на севере Франции, там, где много шахт и крупных металлургических заводов. Стоит добавить, что рос я в трудовой семье и рабочий класс был моим первым наставником и учителем.

В те годы рабочие были подвержены чудовищной эксплуатации. Бедность, разорение преследовали каждую семью. И все же я видел, что это уже были не прежние люди, униженные, безропотные. Передо мной проходили люди, которым Ленин дал веру в будущее, позволил обрести достоинство трудового человека.

В прошлом тоже встречались рабочие с уверенным взглядом в завтрашний день. Но это были единицы, выбившиеся в верхушку класса. Ленинская революция вернула уверенность и гордость каждому. Вот что явилось основополагающим для меня как для писателя-коммуниста, посвятившего свое творчество жизнеописанию рабочих.

В пятнадцать лет, читая «Жерминаль» Золя, я был поражен, с какой безжалостностью великий писатель изображал мастеровых тех лет. Я вглядывался в окружавших меня людей и видел, какая разительная перемена произошла не только в их облике, но и в сознании. Не было среди них людей, обреченно предавшихся пьянству, разгулу. Они распрямились, подняли головы, увидели, наконец, небо и звезды. И то, что отличало французских рабочих тридцатых годов от рабочих Золя, и явилось для меня первым завоеванием ленинской революции в России. В дальнейшем это влияние росло, оно уходило в глубь сознания людей, определяя их жизненные устремления и мировоззрение.

Под влиянием Октябрьской революции в корне изменился, духовно вырос и окреп рабочий класс. И для писателя-реалиста, современника не может быть большей радости, чем посвятить свое творчество жизнеописанию нового человека.

Когда-то, в начале века, солидаризируясь с русским пролетариатом, французские докеры отказались грузить оружие интервентов, предназначенное против Советской России. Это было завоевание Ленина. А спустя десятилетия, когда сменилось поколение, то же произошло, но уже в отношении другой страны. Я описал это в рассказе «Сена» вышла в море», где героями вновь были докеры, не подчинившиеся приказу грузить военное снаряжение для войны во Вьетнаме. Ленин первым в мире не только сказал, но и доказал на деле, что главная роль в переустройстве общества принадлежит рабочему человеку. Рабочему с большой буквы.

РОКУЭЛЛ КЕНТ,
художник, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (США):

— Даже если бы этот вопрос мне задали, когда только свершилась революция в России, я, не колеблясь, ответил бы: Ленин. Маркс и Энгельс, обосновав этапы рабочего движения, не имели возможности лично участвовать в строительстве нового общества. Ленин же не только научно доказал возможность построения нового общества, но и создал его. Все предшествовавшие революции только прогнозировали, чего может добиться народ. А русский пролетариат под руководством Ленина первым претворил замысел в жизнь, а потом и отстоял свои завоевания в неравном поединке сил.

Сегодня социализм завладел умами всех прогрессивных людей. Это тоже заслуга Ленина.

За несколько десятилетий Советскому Союзу удалось сделать то, что не под силу было бы богатой Америке. Вы создали в корне отличающееся от других общество. Оно расцвело, окрепло и взрастило прекрасные плоды — советских людей. Во всех процессах человеческой деятельности: в науке, искусстве — вы достигли невиданных успехов. И в этом я вижу заслугу Ленина.

Каждый год вашей жизни, каждый новый взлет радуют меня. Но от этого еще болезненней воспринимаются наши срывы. Я американец, и мои предки были в числе первых поселенцев Новой Англии. Но мне больно и обидно за судьбу Америки.

Я преклоняюсь перед завоеваниями Октября, впервые давшими народу подлинную свободу. В нашей конституции тоже записано немало хорошего. «Записано», и только. И за это хорошее нам каждый раз надо бороться.

Страшный позор Америки—расовая дискриминация. Разве может страна называть себя свободной, когда в ней преследуются и уничтожаются люди только за то, что они родились с черной кожей и светлыми мыслями?

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ,
поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Пакистан):

— Ленин первым на земле претворил в жизнь мечту, существовавшую с древних времен,— создал общество, где свобода стала достоянием каждого. Я еще только начинал учиться, когда свершилась революция в России. Мы тогда мало знали о ней, о ее задачах и конечной цели — построении коммунизма. Но уже в годы занятий в колледже только и говорили, что о свершившемся в России, о Ленине. Под влиянием Октября у нас в стране возникло несколько движений в поддержку его идей. А спустя несколько лет, когда к нам стали приезжать очевидцы великих перемен, наша компартия получила массовое признание.

В начале 30-х годов мне, тогда еще молодому человеку, было поручено проштудировать ленинскую работу «Империализм, как высшая стадия капитализма» и рассказать о ней своим товарищам. Внимательнейшим образом изучал я ленинский труд, анализировал положения книги, пытался спорить. С тех пор я во власти ленинских идей. Меня всегда поражала в этом человеке его убежденность в правоте своего дела.

НГУЕН ТХИ ДИНЬ,
лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Вьетнам):

— Для миллионов людей всех рас Ленин был и останется главным человеком XX века.

Впервые имя товарища Ленина я услышала, когда мне исполнилось шестнадцать лет. Это было в тот день, когда в нашем доме собрались крестьяне-революционеры, которые вели неравную, полную опасности и тревоги борьбу с французскими колонизаторами, чинившими во Вьетнаме террор и беззаконие.

В тот день я впервые узнала о существовании государства, где крестьяне являются хозяевами своей земли и своего труда, где рабочие трудятся для блага родины, где все люди равноправны и об эксплуатации человека человеком давным-давно позабыли, как о дурном сне...

Я была потрясена. Я не представляла, что на земле люди могут жить иначе, чем сотни моих соседей, таких же обездоленных и бесправных, как мы. В тот день я впервые в жизни увидела улыбку на лице отца. А мой старший брат, ласково взглянув на меня, сказал как само собой разумеющееся: «Скоро и на нашу землю придет правда Ленина. Высокая лампа далеко светит!»

В моей жизни было много трудностей. Сколько раз приходилось навсегда расставаться с дорогими и близкими сердцу людьми, которые погибали от рук палачей. Но свою силу и веру в правоту революционной борьбы я всегда черпала из книг Ленина, его жизненного примера самого стойкого, самого мужественного и честного борца за счастье народа.

Когда я оказалась в тюрьме, когда моя жизнь висела на волоске, я мысленно перебирала в памяти те ленинские заветы, которыми он делился со своими товарищами по партии, и мне становилось легче. До сих пор хорошо помню ленинские слова, обращенные к тем, кто решил бороться за независимость своего народа: «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».

Когда мне в Свердловском зале Кремля в торжественной обстановке вручали медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», я не только испытывала волнение, но и гордость за славное революционное дело вьетнамского народа, сумевшего освободить свою землю от колонизаторов и угнетателей. Я мысленно вновь и вновь обращалась к великому Ленину, который научил нас вести непримиримую борьбу за счастье людей, дал нам веру в свои силы и научил нас побеждать не только трудности, но и наших классовых врагов. А это ли не высшее счастье для революционера!

ДЖЕК ЛИНДСЕЙ,
писатель (Англия):

— Для меня Ленин всегда был и останется величайшим интеллектом XX века. Его книги, его труды довершили процесс перевоспитания многих миллионов людей на земле.

Вначале я следовал примеру ленинских идей интуитивно. Родившись и долгое время живя в Австралии, с восторгом приняв Октябрьскую революцию, я стал ее активным пропагандистом. Я использовал каждую возможность, каждую трибуну для того, чтобы завести разговор о победе рабочего класса в России. Однажды даже выступал в обществе пловцов в перерыве между заплывами.

Позже, когда в Италии к власти пришел фашизм, а в Испании началась гражданская война, когда в Германии как на дрожжах росла сила гитлеризма, это юношеское увлечение, питавшееся романтикой революции, переросло в потребность, в насущную необходимость изучения Ленина. Я начал искать у Ленина ответы на все волновавшие меня вопросы. И я нашел их. Я стал коммунистом.

Каждая дата со дня рождения Владимира Ильича Ленина будет отмечена в мире новым ростом влияния его всепобеждающих идей. И можно смело сказать: у Ленина впереди сто жизней.

Он предвидел появление новой литературы, которая будет всегда, на всех важнейших этапах следовать со своим народом. И такая литература есть — советская литература. Она являет собой пример высокого ленинского патриотизма и гражданственности.

Записал В. ЗАСЕЕВ.

ЛЕНИНСКАЯ КУЗНИЦА

Но истинная гордость киевских судостроителей — это океанские суда. Регулярно с заводского конвейера сходят рыболовецкие сейнеры и тунцеловы с «неограниченным районом плавания», как пишется в технических характеристиках. По всем морям и океанам несут они советский флаг, поднятый здесь, на Ленинской кузнице.

Этот завод, как и «Арсенал», «Большевик»,— гордость украинской столицы, ее боевая история. Созданный в первый год после отмены крепостного права в России, он стал пролетарской кузницей — здесь ковались кадры революций. В ноябре 1905-го его рабочие, соединившись с восставшими саперами, решили поддержать их борьбу и были расстреляны царскими войсками. Уже на пятый день после героической драмы в статье «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти» Владимир Ильич Ленин писал:

«За морским сражением в Севастополе следуют, без всякого перерыва, сухопутные сражения в Воронеже и Киеве. Вооруженное восстание в этом последнем городе делает, видимо, еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством».

Сотни рабочих Южнорусского машиностроительного, как он тогда назывался, принимали участие в октябрьских боях 1917 года, сражались на фронтах гражданской войны, а потом боролись с разрухой, поднимали новую, советскую экономику.

И когда в январе 1924 года пришла горькая весть о кончине В. И. Ленина, на заводе состоялся митинг. Люди клялись быть верными заветам Ильича и просили городские власти назвать их предприятие Ленинской кузницей.

С тех пор «Ленкузня», как на Украине называют этот завод, неизменно в ряду правофланговых советской индустрии. Здесь в 1931 году впервые было построено цельносварное судно — работами руководил Евгений Оскарович Патон. В предвоенные годы среди других сошел тут со стапелей легендарный монитор «Железняков», дерзко сражавшийся с фашистами на Днепре и Дунае, а в 1954-м было построено первое океанское судно.

Основная площадка завода раскинулась на Рыбацком острове, меж рукавами широко разлившегося Днепра. Огромный корпус стапельного цеха даже издали кажется домом для дирижаблей. Еще больше он поражает воображение, когда попадаешь внутрь. Бесконечные линии, где, как ситец, кроят металл, где из толстенных листов плазменные жала легко вырезают замысловатые фигуры, где стальные плиты, сваренные в бортовые полотна, парусами проплывают под сводами. Секция судна, водруженная на тележки, нависает над тобой, как говорят, от киля до клотика, открывая переборки меж каютами, палубами, помещениями трюма. А далее — такая же, а еще дальше — пол судна, пока на самом выходе не увидишь целые суда на колесах, готовые выползти за ворота цеха и съехать в затон.

Но это лишь основной цех. В десятках иных выпускаются известные во многих странах мира морозильные установки, суда вспомогательного флота и многое другое. Причем больше 80 процентов продукции выпускается с государственным Знаком качества. Одним словом, порядок, как на море. И это не ради красного словца. Солоноватое дыхание океана витает в цехах «Ленкузни»: часто встречаешь тут людей в морской форме — экипажи принимают суда на месте, поднимаются на борт, где все готово: от мебели, навигационных и других приборов до занавесок и столовой посуды. Здесь каждый рабочий, токарь или плотник, еще и в некотором роде моряк: неуловимый налет гордости, подтянутости чувствуешь и в разговорах, и в отношении к делу, и в том, что нет-нет да и мелькнет под рабочей курткой полосатая тельняшка.

Пополнение кадров идет в основном из профессионального училища водников, из мореходных училищ. Здесь инженером работает Анатолий Крючковский, который вместе с Зиганшиным, Поплавским, Федотовым удивили и восхитили своим мужеством весь мир, когда на неуправляемой барже, без пищи и топлива вышли победителями в борьбе с океанской стихией... Случается, что построенные тут суда получают имена заводчан, оставивших свой след в нашей отечественной истории.

Ленинскую кузницу выбирают, как судьбу. Никого не удивишь десяти — двадцатилетним стажем работы. Отец приводит в цех сына, дед — внука. Свыше тридцати лет трудится тут Герой Социалистического Труда Николай Романович Молодченко, а бригадиром у него — родной сын. В одной бригаде работают братья-близнецы Валентин и Анатолий Добоши и их отец Владимир Викторович. Все трое — коммунисты. Тут же трудятся их мать и оба деда. А общий трудовой стаж этой семьи составляет два столетия. Будучи в армии, братья несли службу на посту № 1 — лицом к лицу у входа в Мавзолей В. И. Ленина.

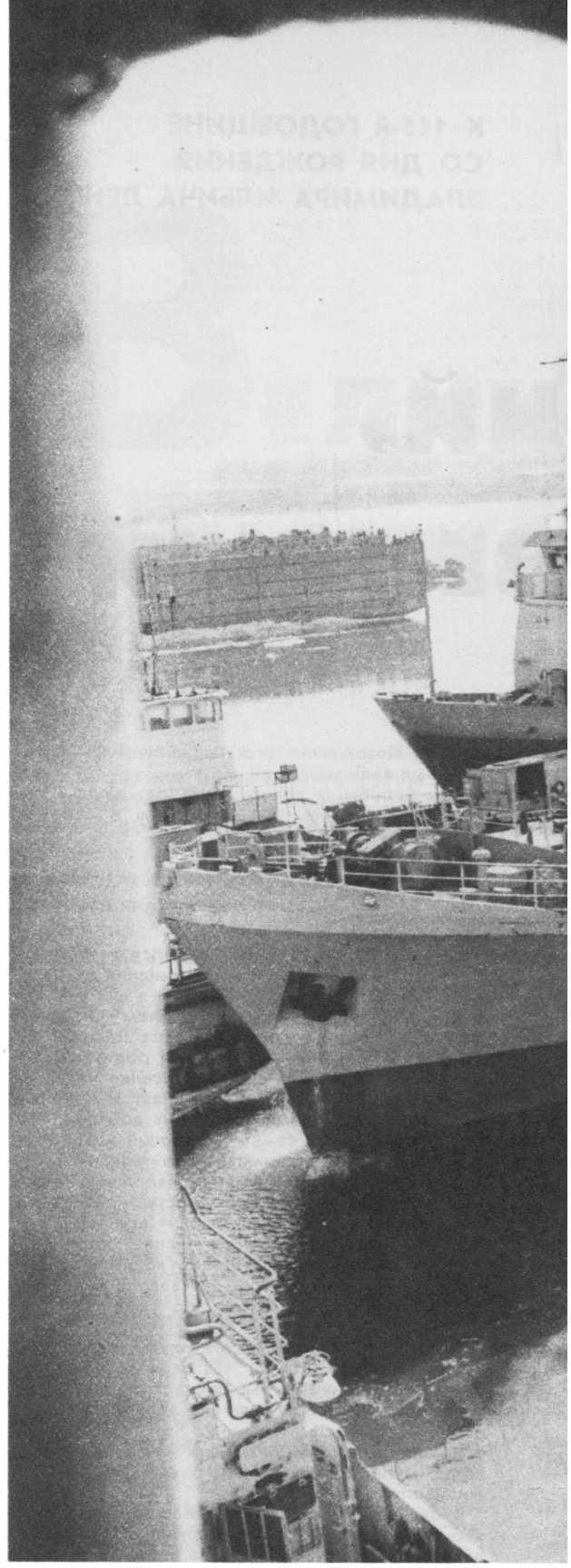
Многотысячный коллектив практически не знает текучести кадров, она не превышает пяти процентов: уходят на пенсию старики, а молодежь разве что на службу в армии или на учебу. Здесь крепкая трудовая дисциплина, лодырю и прогульщику очень неуютно.

...У причальной стенки заводского затона покачивались суда, спущенные на воду зимой. Они ждали, когда сойдет по Днепру лед и можно будет, поднявшись на поплавки специальных доков, спуститься до Херсона, до настоящей воды, приличествующей их океанской осадке. На залитом весенним солнцем причале мы разговаривали с бригадиром судовых слесарей-монтажников, Героем Социалистического Труда Петром Петровичем Тарасенко. Он тоже тридцать лет на заводе, а пришел сюда после службы на флоте. Заговорили о молодежи.

— Разве мы не такими были? — спросил он.— Молодых учить надо по-отцовски. Какими их выучим, с такими нам и работать. Тут главное, чтобы человек большую цель видел...

Коллективу Ленинской кузницы по плечу высокие цели. Как рассказал секретарь парткома Алексей Поликарпович Коваленко, сейчас идет подготовка к освоению выпуска нового поколения рыбопромысловых судов и технического флота. Проведенная аттестация рабочих мест всколыхнула всех, позволила поднять многие участки производства на качественно новый уровень. Здесь новшества дополняют традиции. Одна из них — отмечать большие праздники досрочным спуском на воду очередного судна. Не будет она нарушена и нынче: к ленинским дням новое судно досрочно спустится в заводской затон, чтобы гордо носить советский флаг на всех широтах.

Начало см. на 2-й стр. обл.

Отсюда, от заводского пирса, новое судно пойдет в плавание.

Идет сборка траулера.

Ветеран завода Александр Васильевич Власов участвовал в штурме Зимнего. Сегодня он встречается с пионерами в музее «Ленинской кузницы».

Отдел АСУТП: совет держат оператор Г. А. Омельченко и руководители отделов Е. Б. Орлов и С. И. Оваденко.

Марина Витальевна Кубица — инженер-программист.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Дмитрий НАЛБАНДЯН,
народный художник СССР,
Герой Социалистического Труда,
действительный член Академии художеств СССР,
лауреат Ленинской премии

Завершил недавно большую композицию о пребывании Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской среди крестьян деревни Кашино на открытии первой электростанции, поставил, как все - гда подпись,— 1985 год и как-то особенно остро вдруг осознал, что вот уже более полувека, пятьдесят пять лет, пишу картины, полотна на историко-революционную тему, портреты, пейзажи, натюрморты. Оглядываюсь на прожитые годы и думаю о том, что жизнь подарила мне удивительные встречи, оказавшие благотворное влияние на мою творческую судьбу.

...Осень 1924 года. Я только что поступил в недавно открытую Тбилисскую академию художеств. Здесь моими учителями стали замечательные, известные художники. Евгений Евгеньевич Лансере — блестящий рисовальщик, иллюстратор, мастер монументальной живописи. Он был прекрасно образован, имел самые широкие познания в разных областях, много читал, ко всем своим коллегам относился внимательно и чутко. Вместе с нами писал, устраивал поездки на этюды, в Сванетию, например, которые до сих пор вспоминаю с восторженным благоговением. На меня имел какое-то магическое влияние. Я всегда завороженно, с восхищением смотрел, как он быстро, метко и легко рисует, как тонко и артистично фиксирует линией, цветом свои впечатления.

Другой профессор, Егише Мартиросович Татевосян,— ученик и друг Поленова, воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Талантливый художник, красивый, стремительный, элегантный человек, полотна которого полнились солнцем, радостью, чувством. Его нельзя было не любить, даже когда он нетерпеливо, требовательно разносил тебя за посредственную живопись.

Лансере и Татевосян знакомили нас с великими мастерами разных школ и эпох. В азарте спора или разбирая наши работы ссылались на итальянцев Высокого Возрождения, на передвижников, «мирискусников» — интуитивно, в зависимости от личных симпатий и момента. В 27-м году Лансере впервые организовал для студентов экскурсию в Ленинград и Москву. Это была сказочная поездка. То, что нам было известно лишь по репродукциям, открылось воочию в залах Русского музея, Эрмитажа, Третьяковской галереи. Чарующие видения ленинградской архитектуры, прекрасные памятники, скульптуры, старинные ансамбли города на Неве, концерты, музыка Чайковского, Шуберта, Бетховена... Мы прикоснулись к огромным богатствам духовной культуры, о которых знали только по книгам. Но больше всего, конечно, меня потрясла живопись, дивная, сверкающая, как самоцветные камни. «Крестный ход» Репина, картины Сурикова, Александра Иванова, портреты Валентина Серова, произведения Врубеля, Левитана... Я был подавлен лавиной впечатлений, почти болен. Хотелось скорее окончить академию и начать самостоятельно работать.

Тогда, как и сейчас, остро стоял вопрос о художественности и красоте. То, что я увидел, навсегда определило мои взгляды, мою позицию. Картина представилась мне важнейшим жанром изобразительного искусства. Подобно роману в литературе, симфонии в музыке, она способна глубже всего выразить представления художника о проблемах времени, о событиях, об окружающем мире.

Полотна Александра Иванова, Венецианова, Федотова, Репина, Сурикова, Перова, Ге, Валентина Серова дают нам бессмертные примеры творческого подвига. Без него, по сути, невозможно претворить масштабные идеи, живые образы искусства.

С подобными мыслями вернулся в Тбилиси.

Но вот в 1929 году академия окончена. Мечтаю о композиционной картине, а работаю в Госкинпроме Грузии мультипликатором. Для небольшой ленты делаю около двух тысяч рисунков и снимаю в разных фазах. Как карикатурист печатаюсь в газетах. Через год — киностудия в Одессе. Наконец, в 1931 году Москва. И снова кино, «Межрабпомфильм», карикатуры в «Крокодиле» и других изданиях.

Мастерской у меня, конечно, в то время не было, рисовал в самых разных местах, везде постоянно что-то набрасывал. Случайно за этим занятием меня увидел график Д. С. Моор, которого я так же быстро набросал в своем блокноте. Дмитрий Стахиевич предложил пользоваться его студией на Масловке — по нездоровью ему было трудно туда ездить, в основном он работал дома.

Его отзывчивость ошеломила меня. Счастье не знало границ. Теперь можно писать картины!

Моор был великодушен и остроумен. Припоминаю такой курьез. В его квартире в клетке жила ворона. Когда я спросил, зачем он ее держит, ответил, что для него это бесплатная натура...

Рядом находилась мастерская Дейнеки, мы подружились, и эта дружба длилась до конца его дней.

Я начал писать картину «В. И. Ленин у карты ГОЭЛРО», готовил ее к выставке молодых, которая должна была состояться в Третьяковской галерее. Дейнека попросил Грабаря посмотреть эту работу, помочь советом. У меня было рекомендательное письмо к Игорю Эммануиловичу, которое я получил от Лансере после окончания академии.

Грабарь пригласил в Абрамцево, к нему на дачу, писать на пленэре. Принял радушно, попросту, даже весело. Мы долго выбирали натуру, и он сразу начал с переднего плана. Я же больше смотрел, как работает маэстро. Он часто повторял: «Лучше писать этюд с натуры — зиму, весну, лето в один сеанс, ибо важно уловить в природе неповторимый момент». Небольшой этюд Грабарь сделал за полтора часа, замечательно передав тот весенний день. Потом посмотрел, что получилось у меня. «Можете работать...» Скупое одобрение мастера окрылило, жизнь открылась по-новому, доставляя самое большое — творческое удовлетворение.

Я наблюдал его манеру, смотрел, как грунтует холст, готовит материалы для работы. Все это, как и суждения Игоря Эммануиловича об искусстве, было для меня поучительно. Не верилось, что я у прославленного художника, в Абрамцеве, где совсем не так давно писали этюды В. Серов, Врубель, Репин...

Вскоре познакомился с Павлом Радимовым, поэтом, живописцем, другом Есенина. И тоже многому у него научился. Позже, в пятидесятые годы, написал его портрет — доброго, веселого человека, с гитарой в руках, моего хорошего товарища.

В конце 32-го года открылась выставка, на ней была и моя небольшая картина с В. И. Лениным. Газета «Правда» напечатала статью Грабаря о молодых художниках, в ней он тепло отозвался и обо мне. Это был настоящий праздник!

Когда я вступал в МОСХ, рекомендации дали И. Грабарь, А. Дейнека, П. Радимов.

...Однажды осенним днем мне передали, чтобы я был у Серго Орджоникидзе. Григорий Константинович — друг моего отца, убитого меньшевиками, контрреволюционерами, в восемнадцатом году в Тбилиси. И вот Г. К. Орджоникидзе узнал, что я в Москве. Иду к нему в Кремль, где он тогда жил. Радуюсь, волнуюсь. У него в гостях С. М. Киров, Е. М. Ярославский, К. Е. Ворошилов. Чтобы не очень мешать их беседе, делаю в сторонке быстрые наброски, благо всегда носил с собой альбом. Первым заинтересовался Ворошилов и привлек ко мне внимание остальных. Климент Ефремович любил искусство, художников, был доброжелательный, культурный человек. Потом долгие годы мы часто встречались, я несколько раз писал его. Своими советами, яркими воспоминаниями он очень помог мне в работе над ленинской темой, особенно над полотном «В. И. Ленин в Горках».

В 1933 году мне посчастливилось делать зарисовки на Пленуме Центрального Комитета партии, рисовать Сергея Мироновича Кирова. Его обаяние, человечность, молодые искрящиеся задором глаза навсегда вошли в мое сердце. После Пленума он пригласил меня приехать в Ленинград, чтобы сделать портреты передовых рабочих-путиловцев. Я был рад возможности писать на заводе, где выступал Ленин. Познакомился здесь с прекрасными людьми, настоящими героями нашей жизни, энтузиастами. Меня восхищала их целеустремленность, были близки их заботы, мечты, и за короткое время удалось сделать несколько портретных этюдов, которые были показаны на небольшой выставке, устроенной тут же, на заводе.

И. Бродский. 1884—1939. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ. 1930. Фрагмент.

Центральный музей В. И. Ленина.

На развороте вкладки:

Д. Налбандян. Род. 1906. В. И. ЛЕНИН И Н. К. КРУПСКАЯ СРЕДИ КРЕСТЬЯН ДЕРЕВНИ КАШИНО В 1920 ГОДУ. 1985.

Художественная выставка «Земля и люди».

А. Герасимов. 1881—1963. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ. 1929—1930.

Центральный музей В. И. Ленина.

Холст «Речь С. М. Кирова на XVII съезде ВКП(б)» был еще не совсем закончен, когда его увидел Михаил Васильевич Нестеров. Замечательный мастер отметил некоторые удачно найденные образы и посоветовал более углубленно раскрывать психологию человека, стараться показывать индивидуальные черты. Композиция картины Нестерову понравилась, но над живописным решением он советовал мне побольше работать. На прощание сказал: «Да, молодой человек, надо много работать, чтобы стать настоящим художником. Один талант — это еще мало, необходим труд». Его советы, замечания были для меня, в общем, еще начинающего живописца, не только необходимы и полезны. Я воспринял их, помню, как большую для себя удачу. В 36-м году уже законченная картина экспонировалась на выставке молодых, в залах Музея изобразительных искусств имени Пушкина и получила большую прессу.

Однажды скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров, возглавлявший комиссию отдела искусств при исполкоме Моссовета, в которой состоял и я, предложил пойти вместе с ним к Михаилу Ивановичу Калинину. Я взял с собой папку с рисунками и этюдами. Дорогой страшно волновался, но этот большой, государственный человек очень просто и приветливо нас принял. Волнение постепенно проходило, я успокоился, осмелел и неожиданно для себя попросил у Михаила Ивановича разрешения его порисовать. Калинин беседовал с нами, много и увлеченно говорил о призвании и долге советского художника, о том, что изобразительное искусство — дело общественно важное, что живопись, скульптура должны утверждать высокие идеи, идеалы коммунизма. Все это время я рисовал, сделал несколько набросков карандашом, запечатлев Калинина в рабочем кабинете. Это было в 1938 году.

Случалось, что зарисовки оказывались бесценным подспорьем в дальнейшей большой работе над тематическим полотном. В 33-м году я впервые увидел А. М. Горького во время встречи с великим пролетарским писателем в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Огромный зал, где он должен был выступать, до отказа заполняли студенты разных национальностей. Во втором часу приехал Алексей Максимович. Я сидел в первом ряду, в нескольких метрах от него и впервые так близко увидел знакомые по фотографиям черты. Тут же начал делать беглые наброски. Горький говорил о развитии советской литературы. Когда он закончил, я, робея, подошел к Алексею Максимовичу, окруженному толпой студентов. За полтора часа получилось около двадцати рисунков, но удачными мне показались только два. Он долго их рассматривал, потом улыбнулся и одобрил. Спросил, где и у кого учился, над чем сейчас работаю. На нескольких рисунках я попросил его дать автограф, и он охотно согласился.

В памяти навсегда остался взгляд умных, порой насмешливых глаз, одухотворенное лицо, усталые, чуть сгорбленные могучие плечи. В картинах, посвященных Горькому, написанных в разное время, всегда старался изобразить его именно таким, как увидел в тот день.

Часто с удовольствием бываю в Центральном музее В. И. Ленина, изучаю материалы, готовясь к новым работам, посвященным жизни и деятельности вождя социалистической революции. Здесь в экспозиции находится несколько произведений моей Ленинианы. В музее и состоялось наше знакомство с Екатериной Павловной Пешковой, которая обратилась ко мне, узнав, что я автор заинтересовавших ее картин. Эта хрупкая, небольшого роста пожилая женщина хорошо знала Владимира Ильича. В квартире с большими венецианскими окнами на улице Чаплыгина она полностью сохранила обстановку комнаты, где Ильич вместе с нею и Горьким слушал бетховенские сонаты в исполнении Исая Добровейна. По его просьбе пианист играл «Аппассионату». Екатерина Павловна рассказывала о дружбе, которая была между Горьким и Лениным, показала множество документов, фотоснимков, письма Алексея Максимовича из Италии.

Увлекшись интересной темой, я начал делать варианты, этюды, эскизы, работал с натуры в комнате, где по-прежнему в углу стоял рояль, а стол был накрыт все той же голубой скатертью. После долгих поисков нашел наконец устроившую меня композицию. В общей сложности работал два года. Стремился передать общее настроение увлеченности музыкой, мысленно повторяя слова, которые, по свидетельству Горького, произнес тогда Ильич: «Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка...» И я написал вечерние сумерки за окном, над столом теплый свет лампы, мягко освещающей людей, объединенных общим состоянием духовной близости.

Не так давно, перечитывая воспоминания грузинского большевика Михи Цхакая, нашел у него рассказ о том, как Владимир Ильич показывал ему Лувр и с удовольствием смотрел Нику Самофракийскую — символ победы, другие шедевры. Да, он любил классику, и не раз, в том числе на знаменитой встрече со студентами Вхутемаса, говорил о реалистическом искусстве.

Идею написать полотно, посвященное пребыванию Владимира Ильича у Горького на Капри, также дала мне Е. П. Пешкова. Я впервые попал в Италию в 58-м году и, конечно, поехал на Капри, посетил дом, где жил Горький, встретился с восьмидесятитрехлетним рыбаком Луиджи Манчетти, который знал и помнил Ильича, возил его осматривать остров. Рыбак показал пожелтевшую от времени фотографию апреля 1908 года, где он, тогда совсем молодой, снят с Лениным.

Перед следующей поездкой я изучал сочинения Ленина, исторические материалы, просмотрел много кинодокументов, беседовал со старыми большевиками. На Капри сделал около ста пятидесяти этюдов, писал море, бирюзовую бухту, рыбацкие строения и лодки на берегу, яркое, светоносное небо, ласковые волны Средиземного моря. И тогда возник замысел изобразить Ленина и Горького среди итальянских рыбаков. Рисовал их, загорелых, обожженных горячим солнцем, сильных, колоритных, и они с удовольствием позировали; со многими из них я подружился. Камертоном в работе были для меня строки из воспоминаний А. М. Горького, который писал об этих встречах Владимира Ильича: «Он подробно расспрашивал о жизни каприйских рыбаков, о их заработке... Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда... Рыбаки Капри, видевшие и Шаляпина, и немало других крупных русских людей, каким-то чутьем сразу выделили Ленина на особое место».

Вместе с подготовительным периодом работа над картиной заняла три года, в 65-м году я ее завершил.

В Италии я познакомился с Пальмиро Тольятти. Мне хотелось написать его портрет, и он охотно согласился. В тот же день, натянув небольшой холст на подрамник, начал работать. Во время сеанса руководитель итальянских коммунистов рассказывал о своих друзьях, о трудностях борьбы. Он владел русским языком и прекрасно разбирался в изобразительном искусстве. Незаметно пролетели два часа, и Тольятти пожелал увидеть, как идут дела. Подойдя к холсту, воскликнул: «Прекрасно, достаточно. Больше не трогайте...» И действительно, мне и самому показалось, что довольно легко схватил живое выражение его лица. Он должен был приехать в Москву и обещал позировать для большого портрета. Но, к сожалению, этот замысел остался неосуществленным. Вскоре в Крыму его пламенная жизнь оборвалась...

Мне довелось создавать портреты многих государственных деятелей, полководцев, писателей, артистов, музыкантов. Здесь я хочу рассказать лишь о нескольких встречах.

Первой послевоенной осенью и зимой 46-го года много писал в Прибалтике, на взморье. В Риге, в помещении офицерского клуба, открылась выставка моих работ. Здесь я познакомился с Иваном Христофоровичем Баграмяном, командовавшим войсками, которые освобождали Латвию от фашистов. Во время войны, в Армении, а затем в Москве я много слышал об этом военачальнике, но не мог предположить, насколько это обаятельный и простой человек. У него имелось прекрасное собрание репродукций шедевров русской и европейской живописи, Иван Христофорович был большим поклонником изобразительного искусства. Любил и хорошо знал армянские народные песни, хранил пластинки с их записями.

Я попросил его позировать и долго искал характерную для него позу. Решил написать в рост, на фоне зимнего рижского пейзажа в серой генеральской — тогда еще!— шинели и папахе, с шашкой на боку. Выбрав живописное место, мы начали работать: Иван Христофорович помогал мне своими рассказами. Во время сеанса в той мере, в какой это могло зависеть от меня, старался направить разговор в русло военных воспоминаний. Он воодушевился, увлекся, в нем чувствовались широта, глубина знаний, талант полководца. Энергичное лицо светилось умом и волей. Через пятнадцать лет я написал Баграмяна, теперь уже маршала, еще раз.

С творчеством Бориса Андреевича Лавренева, с его рассказами, повестями и пьесами я был знаком давно. И вот наконец увидел его в непринужденной атмосфере, на отдыхе, в 54-м году. На редкость жизнерадостный человек, остроумный собеседник, он сам любил писать акварелью. Вечерами в санатории в Кисловодске мы собирались и слушали его увлекательные истории, рассказы о революционном прошлом, о жизни матросов, о литературе и искусстве. Все радовались, когда он появлялся — высокий, красивый, хорошо сложенный, с седой головой мудреца и живыми, внимательными, улыбающимися глазами. По давней привычке я наблюдал за его движениями, поворотом головы, манерой говорить. Хотелось изобразить писателя за рабочим столом, и я подробно расспрашивал Бориса Андреевича о творческом процессе и, наконец, представил в спокойной, непринужденной позе, в мягком кресле. Взгляд серых глаз устремлен вдаль; возможно, он только что закончил новое произведение, еще держит рукопись в руках, размышляя о чем-то важном для себя...

Меня всегда интересует психология, внутренний, духовный мир человека. Прежде чем приступить к портрету, обычно несколько раз встречаюсь со своим героем, мы беседуем, и только когда начинаю понимать характер, приступаю к этюдам и наброскам, пробую различные варианты композиции. Очень интересной была для меня работа над портретом старшего мастера завода «Серп и молот» Владимира Егоровича Объектова, трудившегося у мартена около полувека. Пожимая его твердую, мозолистую руку, я думал: вот он, современный герой. Простой, среднего роста человек, коренастый и могучий в плечах, умный, основательный, типично русский рабочий. Профессия старого литейщика наложила характерный отпечаток на его лицо. Владимир Егорович казался утомленным, но стоило нам пойти по цеху, как его глаза оживились, заблестели, и, словно заботливый хозяин, подробно стал знакомить меня с устройством печей, процессом литья. Увлеченно рассказывал об изменениях, которые произошли на заводе. И я решил показать его в цехе, в рабочей обстановке.

...Все оставляет след в душе и творчестве художника: красивый пейзаж, открывшийся вдруг за поворотом, неожиданное освещение, придавшее новизну и таинственность знакомому мотиву, путешествия в дальние края, которые расширяют твое представление о мире; даже натюрморт, красиво поставленный, вызывает желание немедленно перенести его на холст. Но самое сильное, самое нужное впечатление — от встречи с незаурядной, масштабной личностью, с прекрасным, духовно богатым человеком.

Цена успеха

Фильм «Успех» (автор сценария Анатолий Гребнев, режиссер Константин Худяков) — это фильм о делах, как кажется поначалу, сугубо театральных.

Молодой московский режиссер приезжает в провинциальный театр и ставит там «Чайку». С какими тайными намерениями переступает порог этого дома Геннадий Фетисов (Л. Филатов), мы пока не знаем, но именно ему, не очень-то удачливому, думается, столичному режиссеру, предстоит здесь все разворошить и в итоге собрать ранние всходы первого и настоящего успеха.

Энергичный, деятельный мужчина с яростным взглядом — таким видим мы Фетисова на первой репетиции, видим и, не желая того, поддаемся его крутому, властному нраву,— такой добьется многого. Как просто, уверенно укрощает он своевольную приму: польстить, поиграть на актерском самолюбии, пусть даже встать на колени — и первая актриса покорена.

Алиса Фрейндлих в роли Арсеньевой проносит через фильм очень нам понятное выражение удивления и симпатии к этому странному самоуверенному человеку, который в театр приехал явно не для того, чтобы вступить в их театральную семью и обрасти ее домашней «паутиной». Но зачем же тогда?

Фетисов одержим идеей успеха, он его предчувствует, он, можно сказать, им болеет, и потому от актеров требует полной отдачи. Прокола в спектакле, осужденном им на успех, не может быть, а он уже обнаруживается. Павлик Платонов (Л. Дуров), талантливый и милый актер, с детской верой в счастливый свитер с оленями, откровенно «не тянет» Тригорина; Фетисов видит это и безжалостно, расчетливо избавляется от него, разыгрывая на репетиции сцену унизительную и в общем-то страшную.

Л. Филатов играет человека одаренного, одержимого театром. Он способен пьянеть от вдохновения, но он же, оказывается, может переступить через смерть Павлика Платонова, просто закрыть на это глаза. Так что же: цель оправдывает средства?

Фетисов в исполнении Филатова на три четверти сокрыт от всех и от себя самого. Не открылся ни разу, не связал себя привязанностью к актерам, театру, этим стенам, никому не принес счастья. И все же есть тайна, которая держит нас в неотступном внимании к этому человеку.

Наверное, это талант Фетисова, его режиссерская одаренность, человеческая неординарность, в которые зритель верит безусловно. Фильм заставляет при этом задуматься: что мы можем, а чего не можем, не имеем права прощать таланту.

Успех спектакля—конечная цель выбора, который Фетисов сейчас, на наших глазах, делает. Но решаются на экране проблемы отнюдь не творчества — бытия!

Мы не увидим спектакля, который ставит Фетисов, но еще издалека услышим его приближение; премьера надвигается, подобно катастрофе. В изящной психологической ткани фильма чеховская пьеса звучит жизненно и точно. В черном платье Маши несет на сцене свою боль жена умершего Павлина Нюся (А. Мещерякова); подтекстом, с такими же, как у Заречной, несостоявшимися надеждами — Алла (Л. Удовиченко). Всем им предстоит вкусить горькую сладость успеха.

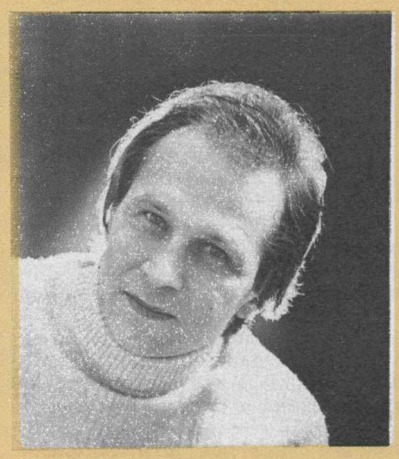
Да, он чертовски, обаятельно талантлив, этот человек, настолько, что мы, подобно артистам провинциального театра, чуть было не простили ему бездушия, неразборчивости, предательства. Неужели и нам так хочется успеха любой ценой? И в финальных кадрах, когда Геннадий Фетисов стоит на перроне с чемоданом в руке, признаемся себе, нам так хочется, чтобы он остался, мы хотим поверить в сказку, в счастливый конец... Но логика характера неумолима. И не спасет Фетисова нерешительность последних шагов, его готовность оглянуться и посмотреть в глаза актерам, оставшимся за стеклянными стенами вокзала. Мы понимаем, как ему трудно сделать эти последние шаги к вагону, но кто сказал, что предавать легко? Он сделает последний шаг. Потому что можно любить дело и не любить людей. Потому что человек со стороны — это посторонний человек. Временный.

Финал фильма несправедлив к зрителям. Авторы словно хотят пойти на уступку, намекнуть на возможность перерождения героя. Но нравственное чувство наше уже вынесло свой приговор.

Наталья РТИЩЕВА

Леонид Филатов в роли Фетисова.

Све

Александр ГОВОРОВ

НА ПЕСНЕ ТВОЕЙ

Грусть-печали и злее, и туже,
Перехлестывают через край...

— Спой мне песню...
— Какую?
— Да ту же
Спой мне, мама, или сыграй,
Улыбнись, как всегда, играя,
Будто мы возвратились из рая,
Где не райский-то, в общем, сад,
Где на травку лишь там присядь —
И взлетишь
Сразу в тишь,
замирая:
Свет веселый весенних акаций
Мне приснился или нет?

...Годы страшные оккупации
Тянут след
через толщу лет:
От водянки — на ране рана,
Голод жжет,
Все черёва печет,
Пальцем ткни — и, как из-под
крана,
Струйка жгучая течет...
Сорок лет прошло...
Ну и что же?
Только вспомню —
Мороз по коже,
Замораживает беда...

...Ты прости мне,
Мама,— т у д а,
В те года
опустился, похоже.
Дорогой Левитан, погоди,
Помолчи, словно дух, заклинаю.
Не могу...
Наконец, не желаю,
К микрофону не подходи.
Все причастны к утратам,
к победам,
Но грущу и средь светлых
вестей...

...Спой мне, мама...
И мы поедем,
Вновь поедем с песней твоей.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Я так люблю...
Твои ли взгляды?
Зубами скрипну от досады —
До сада летнего скриплю.
А там оркестр —
Сверкают трубы,
У духачей такие губы,
Что дунут —
сдуют
С мест
невест!—
Невесть о чем
Я шел и думал.
Вперед плечом...
Вот в трубы дунул
Оркестр.
И всех невест окрест —
Сюда,
сюда,
На танцплощадку.
И я бы
смог бы
сам
Вприсядку,
Да мал еще
я был тогда.
Взглянул окрест,
И что же, что же?..
О, я люблю тебя до дрожи,
Люблю я, духовой оркестр.

НОЧЬ В УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ

Лай собак вдалеке
Где-то там,
за Уссури.
Знаю, не спишь
В эту тишь
в тоске,
Хотя давно уснули:
божьи коровки,
сизоворонки,
сороки-воровки,
все сойки
И всякая прочая живность.
И так полыхает
Жи-
мо-
лость,
Что струи вскипели в реке.
Но лай собак вдалеке?

Я слухом тянусь, тянусь,
Заныла и колом шея...
Здесь тыща верст
До жилья,
как до звезд,
Ищи-свищи,
Лишь клещи
да гнус —
Награда за корень женьшеня.

Но лай собак вдалеке
Где-то там,
за Уссури.
Струи вскипели давно в реке,
И сам я вскипел до дури.
А был я и смел,
И молод, и горд...
Но лай...
но близость хунхузов...
И чертыхнулся,
Проснувшись, гольд,
Глаза еще более сузив,
Крякнул:
— Твоя-моя — не злы.
В покое оставь свои пули.
Эк, разбрехались к утру... козлы,
Как будто собак спугнули...

Подбросил плах,
Порывшись в золе,
И вновь улегся на плахи...

И вспыхнул костер,
Как звезда на земле,
И отшатнулись страхи...

...т весенних акаций

ДЕВОЧКА НА КРАСНОМ ШАРЕ

Видишь? Вечером из моря,
Иль играя,
Или мо́я,
Солнце красное по волнам
Кто-то к пляжу подкатил.

Я себя считал проворным.
Но чтоб так,
Но чтоб по волнам,
Чтоб на солнце?..
Эк, хватил!
С сыном к пляжу подбежали.
Что же видим?
В полный рост
Девочка на красном шаре,
Как на солнышке, плывет.

СТРЕЛЕЦКАЯ СТЕПЬ

Жгучая и золотая,
Сочным
солнцем
Залитая,
Ух, жара!
Течет с лица.
Колос в косу заплетая,
Весь
Вытя-
ги-
ва-
ет-
ся! —
С остью,
Как оса
из стебля.
Горстью
листья.
Степь сурепья:
Будто щедро медовуху
Утро вылило на степь...
И — хоть режь
И ешь
краюху,—
Степь
намазывай на хлеб.

ИЮНЬСКАЯ ПОРА

Светлая, веселая,
Словно невесомая,
Застенчиво ласкается
С самого утра
И тучкой не оскалится
Июньская пора.

Ночь росой обмоется,
Чтоб все сияло днем,
И лишь грозой
Обмолвится
И то с грибным дождем.

●

Шелест сиреневых листьев,
Листьев сиреневых шелест
Шепот до жалости:
— Выстой...
Выстоял... Экая прелесть!
Милая...
Как же без милой?
Жадно гляжу у селенья.
Дай,
заклинаю,
Помилуй,
Сердцу увеселенья.
Дай!
Свет луны неистов.
Дай!
Эту нежность и свежесть...

Шелест сиреневых листьев,
Листьев сиреневых шелест...

УПАДУТ НА МОРЕ ВЕТРЫ...

Упадут на море ветры,
Как руки на струны.
Ни надежды и ни веры,
Ни любви —
лишь думы
Так затянут
И застонут,
Словно в море волны,
Словно все в пучине тонут
Не безвольно — вольно.

Море дышит,
Море зорко,
В звонах перевитых:
Вдох —
на самой ранней зорьке,
К вечеру —
лишь выдох.
От надежды и до веры,
От любви до думы...

Упадут на море ветры,
Как руки на струны.

ГРОЗА

Тучи вдруг на Чертов палец
Напоролись
И распялись,
Тут же
туче
Так поддали,
Сжали туже —
мир притих.
Вдруг
Всю бухту приподняли
И назад ее —
бултых!
Лишь огонь и дым с охвостьев.

Чудилось,
Когда тряслось:
Будто Крымский полуостров
Раскололся вкривь и вкось.

Шут не шут...
Дурная ль шутка?
Жуть не жуть...
А все ж и жутко.
Будто там,
Где мы купались,
Жизнь на краешке журчит,
И один лишь Чертов палец
Из лазурных волн торчит.

НА ЮБИЛЕЙ В. А. ЖУКОВСКОГО

Дерзайте... конечно, дерзаем.
Не хочется петь, а поёшь.
И только вздохнешь лишь:
«Державин!» —
Как тут же: «Жуковский!» —
вздохнешь.
И как приложение к сказу,
На грани веков и эпох:
Лишь выдохнешь: «Пушкин!» —
и сразу
«Жуковский!»— как радостный
вздох.

Россия!
Какая плеяда
Мудрейших державных мужей,
Где свет ее, жар и прохлада
И свежесть поэзии всей.
Какие же силы растили
Вас в грохоте битв и в тиши!..

Вы — светлая радость России
И гордость славянской души.

НА ЗЛАТОМ ПЕСОЧКЕ

Льется тихо вдалеке
Песня строчка к строчке:
— На серебряной реке,
В золотом песочке...

Веет девичьей тоской
Нежный и глубокий
Над серебряной рекой
Голос одинокий:
— Не плести и мне венков —
Без тебя завянут...

В этом мудрость всех веков,
Что грядут и канут.
Жизнь прошел не налегке
Я от точки к точке...
«На серебряной реке,
В золотом песочке...»

В МОСКВУ ЗА ПЕСНЯМИ?

Я возмущен своею милой:
— В Москву за песнями?
— Помилуй!
Да за кого меня ты держишь?
От дерзости
осоловей?
Ты говоришь...
При чем здесь дерзость?
Я... сам,
Я...
курский соловей!
Смиренный?
Мирный?
Даже смирный?
Сидел бы тут,
в своем лесу?
В Москву за песнями?..
Помилуй,
Я своего
Москве везу!
По курским рощам и яругам
Достойно пел среди ветвей...
Пусть познакомятся
Друг с другом,
Сыграют каждый по своей.

●

Ни выдохнуть — такое слово,
И ни вздохнуть—и вдруг не вдруг.
И вьюсь я, как бесплотный дух,
Над полночью бездонной снова.

И — снова мимо, мимо, мимо,
Цигарку горькую смоля.
— Люби... любима... ох, любима...
Ох, ты, любимая моя.

Любовь—бездонна иль бездомна,
Черна она или бела?

И лишь вздохнешь...
— Ох, ночка темна...
Ох, ночка темная была...

ДО РОСИНКИ РОССИЙСКОЙ

Дышит и цедит истому,
Мне важное шепчет опять.
Грудь — нараспашку.
Из дому?
Струшу? Ни шагу вспять.
Великий он или Тихий?
Не все ли мне равно.
Домашний он, или дикий,
Иль прирученный?..
Но...
Здесь, по его просторам,
Вольно себе скользи...
...И, ошалевшие, вторим:
— Вези!
Океан, сквози!
Сказочный и былинный,
Сказывай, что уж там...
Скатывайся былинкой
К оскальзывающимся бортам.
Амурский залив,
Уссурийский...
Корея вдали видна...

И весь до росинки российский,
От гребня волны до дна.

С ТОБОЙ, НЕЗЕМНОЙ И ЗЕМНОЙ...

...Звездная пыль иль не пыль.
...Поздняя радость или грусть...
Не знаю,
То ль сказка, то ль быль.
Звездою увенчанный куст.

Прислушиваюсь, чуть дыша,
К звучанию радужных слов:
Радушием
вся душа
Наполнена до краев.
Ты вдруг отвечаешь:
— Со мной!
И вслух отмечаешь:
— С одной!..
С тобой,
Неземной и земной,
С тобой, моя радость, с тобой.
С тобою —
И в сказку и в быль.
С тоскою?
Ну что ж, ну и пусть...
...Звездная пыль иль не пыль.
...Поздняя радость иль грусть.

РАСКАЛИЛСЯ, СЛОВНО УГОЛЬ...

Так тому и быть — и точка!
Как же разыгралась ночка,
Не унять ее и ветром,
С сиверцем
Совсем сырым,—
По сиреневым,
По веткам
С вертким выводком своим —
Нате!
Ишь, ты!
Ух, ты,
ну, ты!
Зелени всей зеленей,
Так,
что все сирени гнуты,
Распалился соловей,
Раскалился, словно уголь,
Грянул так,
Что вспыхнул свет...

И такая бьется удаль,
Что и ночь сошла на нет.

●

Гвоздика вся до гво́здика
Млеет во мгле радушной.
И от такого
Воздуха
Ты стала вся воздушной.

Летишь —
И сама не ведаешь,
Что ты меж землей и небом.
Летишь —
И за мною следуешь,
И я за тобою следом.

А вечер в тепле ласкается,
Лишь взглядом тебя ласкаю.
И если тебе
Летается,
То, значит, и я летаю.

Гвоздика вся до гво́здика
Млеет во мгле радушной.
И от такого
Воздуха
Ты стала вся воздушной.

строка в продовольственную программу

...Низко бьем тебе

Картошку сортирует робот. Автоматика от поля до прилавка. Магазинная лучше рыночной!! Дружно — не грузно. Зачем изобретать изобретенное! Нужно веское слово Госплана.

Олег ПЕТРИЧЕНКО

Из всех песен о картошке самая популярная, безусловно, принадлежит пионерам 20-х годов.

Дым костра, углей сиянье,
Серый пепел и зола...
Дразнит наше обонянье
Дух картошки у костра.

По сей день жизнерадостно гремит она над полями и овощебазами, просторы и двери которых всегда гостеприимно распахнуты для пионеров всех поколений, должностей и званий. Но, если для большинства горожан «дух картошки у костра» скорее красивая метафора, то начальные строки второго куплета: «Здравствуй, милая картошка, низко бьем тебе челом» — вполне могли бы служить своеобразным эпиграфом к нашим непростым взаимоотношениям с этим всенародно любимым продуктом. Ведь круглый год сотни тысяч специалистов самых разных отраслей «рядами и колоннами» отправляются то на помощь селу, то на подмогу горплодоовощпрому, чтобы собрать, рассортировать, затарить миллионы тонн клубней. И какая это тяжелая, грязная работа, знают очень многие по своему опыту.

...Но вот на Выборгской плодоовощной базе Ленинграда убеждаешься, что нет ничего проще, чем разгрузить вагон картошки. Даже если вагон 60-тонный, картошки в нем — навалом, а рабочих рук раз, два и обчелся. Причем внешне все выглядит очень просто: вагон загоняют под навес, где закрепляют его на специальной инерционной платформе, чуть наклоненной в сторону приемного бункера. Открывается дверь, платформа начинает вибрировать, и картошка своим ходом устремляется в бункер, освобождаясь дорогой от всякого рода прилипшего к ней мусора. Далее по транспортеру, плавной спиралью уходящему под потолок, клубни поступают в несколько распределительных емкостей, а оттуда прямиком в контейнеры поджидающих своей очереди машин.

Называется вся эта система ИРМ-9, и действует она с завидной производительностью, разгружая за час 120 тонн — два вагона!

Для меня, бывшего грузчика-любителя, знакомство с подобной техникой было откровением. И замысел, и исполнение ее на уровне мечты; всем комплексом управляет единственный оператор, и если кто дрожит от напряжения, так только стрелки приборов, фиксирующих работу механизмов.

— Хороша импортная техника,— увидев мое откровенное восхищение, заметил оказавшийся рядом шофер одной из машин.— Куда там нашим до такого додуматься!

Однако нашей оказалась техника! Более того — доморощенной, придуманной и сделанной на берегах Невы.

— Ее рождение — убедительный пример удачного сотрудничества почти двадцати различных организаций, специализирующихся в отраслях, весьма далеких от проблем плодоовощного хозяйства,— рассказывает заведующий кафедрой механизации Института советской торговли профессор В. Шашкин.— Построено и эксплуатируется пока только девять инерционных разгрузочных машин, но эффективность их несомненна: ежегодно они высвобождают от тяжелого, непроизводительного труда две с половиной тысячи человек, снижают механическую поврежденность картофеля с 15—20 процентов (при ручной разгрузке) до трех—шести. По сути своей это первое звено обширной комплексной программы индустриальной перестройки плодоовощных баз, осуществляемой в Ленинграде по предложению обкома партии. Программа объединяет десятки предприятий, НИИ, КБ, институтов и ставит целью максимально сократить имеющиеся потери плодоовощной продукции, драгоценного рабочего времени людей, вынужденных отрываться от своих основных дел. Сейчас на базы привлекается более шести тысяч помощников ежедневно, а в сентябре — октябре, когда идет основная закладка урожая, народу требуется вдвое больше. Исправить существующее положение можно только за счет создания на базах крупных автоматизированных производств, действующих по безотходной и безлюдной технологии.

...Если, исходя из рассказа профессора, проследить судьбу отдельной картофелины, приехавшей с периферии в Ленинград, то городская жизнь ее в недалеком будущем сложится следующим образом. Бережно упакованная в контейнеры с помощью ИРМ-9 она отправится либо на хранение, либо прямо в цех на обработку. Причем на склад ее допустят лишь после мгновенного, но всестороннего осмотра, учиненного ей роботом-дефектатором, зоркие «глаза» которого способны заметить не только внешние дефекты, но и заглянуть внутрь клубня. Само хранение, даже весьма длительное, ничуть не отразится на ее здоровье, ибо оптимальные условия (температура, влажность, соответствующий газовый состав окружающей среды) будут контролироваться, поддерживаться с помощью электроники.

Ну, а если нашей картофелине суждено попасть сразу в магазин, то дорога туда пройдет через целый комплекс установок, обязанных придать ей товарный вид. Чтобы не утомлять читателя технологическими подробностями, выделим лишь два звена, непосредственно отвечающие за качество. Одно из них — обыкновенная с виду ванна. Но с необыкновенными свойствами. Используя хорошо известный в горно-обогатительной промышленности метод флотации, сотрудники института «Механобр» (под руководством члена-корреспондента АН СССР В. Ревнивцева и профессора Ю. Бадеева) создали установку, в которой здоровая картошка отделяется от плохой с помощью... солевого раствора. Попав в этот раствор, за счет разницы в удельном весе гнилые клубни всплывают, нормальные идут на дно.

После солевой ванны обсушенная горячим воздухом картошка сдает еще один экзамен упоминавшемуся уже роботу-дефектатору, чье инфракрасное «око» зафиксирует порезы, не сказавшиеся на удельном весе, вмятины — словом, внешний брак. Таким образом, в упаковочный автомат, расфасовывающий клубни в сеточки по три килограмма (а из него — в магазин), поступит лишь идеальная по качеству продукция, которой останется довольна самая взыскательная хозяйка.

— Поступит-то поступит,— ухмыльнется искушенный жизнью читатель,— вопрос — когда?

Я купил такую сеточку несколько дней назад в Суздальском универсаме. Попал туда случайно, ибо живу в другом районе, но увидел, соблазнился и не пожалел: это был первый в моей жизни случай, когда магазинная картошка по всем статьям превзошла рыночную, многократно уступив ей только в одном — в цене.

Собственно, эта покупка и привела меня в дальнейшем на Выборгскую базу, в экспериментальный цех, а точнее, комплекс товарной обработки картофеля (ТОК-1,5), действующий здесь уже более года.

Действующий примерно так, как описано выше: лишь электронный дефектатор проходит сейчас лабораторные испытания. Остальное оборудование на ходу, и картошка прямо из вагона (сейчас, естественно, из хранилища) попадает в магазин без прикосновения человеческих рук. Транспортирует, моет, сушит, отбраковывает, фасует ее автоматика, и хоть все это, повторяю, находится в стадии испытания, производительность комплекса — полторы тонны продукции в час — вызывает уважение.

— А будем обрабатывать за то же время 15 тонн,— уточняет начальник участка Ю. Мартынюк.— И не когда-нибудь — через год, после ввода в строй десятикратно более мощного ТОК-15. Нынешний комплекс — его миниатюрный прообраз, на котором проверяется надежность элементов, узлов, идет их усовершенствование. Очень важен и социальный эффект — с октября прошлого года у нас действует бригадный подряд, позволивший почти вдвое сократить численность обслуживающего персонала, полностью отказаться от привлечения помощников со стороны. Резко поднялась выработка, и зарплата, распределяемая теперь с учетом КТУ, увеличилась тоже почти в два раза.

Когда ходили по участку, наугад взял из ящика с отходами абсолютно целую, чистенькую, без каких-либо признаков гнили картофелину. И тем не менее отбракованную солевым раствором.

— А вы ее разрежьте,— предложил Юрий Анатольевич.

И точно — изъян оказался в сердцевине. Невольно удивился еще раз — до чего же все-таки остроумно придумано.

Да, хорошо, что в решении одного из важнейших аспектов Продовольственной программы участвуют специалисты самых разных отраслей, способные нестандартно, неожиданно взглянуть на привычные беды овощного хозяйства.

В самом деле — профессор В. Шашкин, возглавляющий работу по созданию на базах автоматизированных производств, еще сравнительно недавно трудился в авиации, где и защитил докторскую диссертацию. Ю. Мартынюк по образованию инженер-радиофизик. Уникальный, не имеющий аналогов в мировой, отечественной практике электронный робот-дефектатор появился благодаря творческому содружеству коллективов института «Механобр», оптико-механического объединения, судостроителей Балтийского завода. В числе создателей оборудования для ТОК-15 — объединения «Ижорский завод», «Ленподъемтрансмаш», машиностроительное имени К. Маркса.

— Всего же в осуществлении намеченной программы участвуют 58 промышленных предприятий и строительных организаций 18 министерств и ведомств,— отмечает В. Шашкин.— Их усилиями будут созданы высокомеханизированные комплексы стоимостью свыше 60 миллионов рублей, в пять раз возрастет энерговооруженность предприятий Главленплодоовощпрома.

Легко представить, какие сложности приходится преодолевать, чтобы скоординировать деятельность такого количества смежников. Одними приказами тут ничего не решишь — важна добрая воля. И очень важно, что большинство сторон проявили высокую сознательность, добровольно взвалив на себя немалые и неожиданные заботы, связанные с внепланoвым освоением сложной, необычной техники. Особая благодарность — машиностроительному объединению имени К. Маркса, его бывшему директору В. Курганову (сейчас он зам. министра легпищемаша СССР). Несколько лет назад именно они — ведущее предприятие страны по выпуску оборудования для текстильной промышленности — первыми вызвались помочь в решительном перевооружении подшефной Выборгской базы.

Ходил по базе, смотрел, слушал и, честно говоря, больше всего удивлялся не хитроумной технике — срокам ее создания. ИРМ-9, ТОК-1,5 установки для автономного вентилирования контейнеров — от идеи до реализации их в металле прошли не годы, как привычно было бы ожидать, катись дело наезженной колеей, а месяцы.

Правда, каюсь, сознательно обхожу в своем рассказе многие острые углы. Обхожу потому, что в большинстве своем они, в общем, типичны для любого стремительно набирающего силу нового дела, и потому, что уверен: в рамках тщательно продуманной, убедительно аргументированной программы развития ленинградской экономики «Интенсификация-90» все спорные пока вопросы будут решены.

Сложнее, пожалуй, с психологией. Далеко не все труженики пло-

доовощпрома с восторгом встретили вторжение науки в привычный мир усушек, утрусок и прочих «непрогнозируемых» потерь. Поскольку выяснилось, что потерь (речь идет о картошке) в принципе может и вообще не быть. Не десятками процентов, как сейчас, долями их будут исчисляться отходы от урожая, попавшего на базу, причем и эти отходы, тут же переработанные на крахмал, не пропадут.

Новая техника, внедрение роботов, ЭВМ не только помогут сберечь продукцию, но и неизмеримо повысят ответственность за каждый принятый на хранение, переработку килограмм. Похоже, что именно нежелание брать на себя такую ответственность, инерция мышления мешают более активному распространению некоторых хорошо зарекомендовавших себя новинок.

Кстати, добрая молва о них далеко перешагнула границы Ленинградской области. За опытом сюда едут со всех концов страны. И убедившись, что все, о чем читали, слышали, существует и действует, гости задаются резонным вопросом: а где это оборудование можно приобрести?

Увы, пока нигде. Из шести с половиной миллионов рублей, выделенных Ленгорисполкомом (из своего бюджета) на осуществление программы в 1984—1985 годах, лишь 550 тысяч оказались включенными в планы нескольких предприятий, так сказать, на «законном» основании. Все остальные проявляют инициативу, безусловно, похвальную, но, к сожалению, не подкрепленную ни металлом, ни иными ресурсами.

Для большинства министерств и ведомств ленинградский эксперимент по-прежнему остается лишь ни к чему не обязывающим экспериментом местного значения. С соответствующим к нему отношением, которое не изменится до тех пор, пока дело не будет поставлено на прочную плановую основу. **И здесь свое веское слово должен сказать Госплан.**

Смущает и еще одно обстоятельство: на базе соседнего с Выборгским Калининского района также в опытном порядке испытывается в чем-то похожая линия по переработке картошки. На Свердловском заводе торгового машиностроения в малом количестве, но выпускается аналогичная по замыслу линия. По производительности, качеству своей продукции они намного уступают ТОК-15 и по-прежнему требуют для обслуживания (ручной переработки, отбраковки) большого числа людей. Одним словом, налицо явное распыление сил и средств, которые разумнее было бы сосредоточить на выпуске наиболее прогрессивной техники.

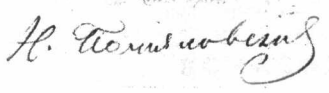
Безусловно, координировать, контролировать всю эту работу должно Министерство плодоовощного хозяйства СССР. На правах рачительного хозяина.

ЧЕЛОМ

К 150-летию со дня рождения Н. Г. Помяловского

ОН ПИСАЛ ПРАВДУ

Н. ЛОБАЧЕВ

Талантливым и суровым реалистом назвал Н. Г. Помяловского М. Горький в статье «Беседы о ремесле». «...На мое отношение к жизни,— писал он,—влияли — каждый по-своему — три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков. Возможно, что Помяловский «влиял» на меня сильнее Лескова и Успенского. Он первый... решительно указал литераторам на необходимость «изучать всех участников жизни» — нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих». «Замечательным сочинением» называл Писарев «Очерки бурсы» Помяловского, высоко ставил он и его повести «Мещанское счастье» и «Молотов». Чернышевский в предисловии к роману «Что делать?» подчеркивал, что в литературе считает себя продолжателем Помяловского.

Широкое общественное признание получил писатель уже при жизни, хотя добиться этого было непросто: в литературу Помяловский вошел в ту пору, когда свежи еще были в памяти «Мертвые души», тревожили умы и совесть герои Гончарова, Тургенева, Достоевского, Писемского. Чем же вызваны столь высокие оценки творчества писателя, чья литературная жизнь длилась всего около четырех лет, писателя, который, в сущности, успел лишь показать, какими силами он обладает и чего можно ждать от него в будущем? Существует мнение, что художника надо судить по законам, которые он сам выводит. Если принять это спорное утверждение, то можно увидеть, что замечательный успех произведениям Помяловского принесли его способность сильно чувствовать общественные недуги и скорби, обостренное чувство справедливости, находившее ложь везде, где бы она ни гнездилась. Сила Помяловского не столько в изрядном художественном таланте, сколько в беспощадном реализме, не терпящем ни малейшего проявления фальши и пошлости, и все это в сочетании, по образному выражению Писарева, с «самородной гуманностью». Помяловскому выговаривали за грубость и резкость (особенно в «Очерках бурсы»). Но ведь писал он так о том, что и в жизни было грубым, резким, да таким, что и терпеть не было более мочи. Это было истинное нетерпение сердца, готового разорваться от мерзостей и ужасов действительности.

Ранняя смерть Николая Герасимовича Помяловского (на двадцать девятом году жизни) оборвала его очень недолгий литературный путь на самом взлете, когда он только задумывал основные свои произведения.

Жизнь не баловала Помяловского. Он родился в пригороде Петербурга в многодетной семье дьякона малоохтинской кладбищенской церкви. К счастью, в их семействе не было самодурства. Отец был нрава кроткого и действовал на детей внушениями. И хотя на развитие ребенка это оказывало благотворное влияние, кто знает, пишет Н. А. Благовещенский, биограф писателя, чем отражались в душе мальчика гробы и погребальные процессии, горький плач и поминания (все то, что Помяловский назовет потом «кладбищенством»). Восьми лет от роду его отдали в Александро-Невское духовное училище. Так начался его четырнадцатилетний крестный путь в бурсе, который кончился в 1857 году выпуском из Петербургской духовной семинарии.

Писарев в статье «Погибшие и погибающие», сравнив бурсу и каторжный «мертвый дом» («Записки из мертвого дома» Достоевского), заключает, что на каторге нравы мягче; бурса ломает молодые жизни и распоряжается со своими «даровитейшими воспитанниками очень бесцеремонно: одних она развращает голодом... другим, неприступным с нравственной стороны, она навсегда засоряет головы и загораживает дорогу к образованию». Гибли здесь многие, но Помяловский вышел победителем из этой борьбы. «Навеки нуль», «отпетый», не раз оставававшийся на второй год, поротый (по собственному счету) четыреста раз («пересечен я или еще не досечен»?), он успешно выдерживает выпускные экзамены и из училища переходит на низшее отделение семинарии. Много читая, он старается осмыслить вопросы, которые ставит перед ним жизнь. Вопросы эти давно решены, но продирается Помяловский через них сам, и стоит это ему многих сил и времени. В семинарии силами учеников выпускается рукописный журнал «Семинарский листок», вскоре запрещенный начальством. В нем активно работает Помяловский, выступая под псевдонимом «Тамбовский семинарист».

Помяловского живо увлекали вопросы воспитания, стоявшие в те годы на переднем общественном плане, волновавшие все общество, особенно его разночинную часть. Последние отвергали решительно все, что сложилось в дореформенной школе, провозглашали уважение прав свободной человеческой личности, считая этот принцип краеугольным камнем образовательной и воспитательной систем. Увлекшись идеями К. Д. Ушинского о народности и общественном воспитании, Помяловский продолжает самообразование, читает запоем, поглощая массу всевозможных книг и журналов, особенно по педагогике.

Общественные интересы, которыми живет он еще с училища, будоражат воображение, горячат кровь. Посещение публичных лекций в университете, преподавание в воскресной школе на Шлиссельбургской дороге, многочисленные знакомства с интересными людьми (возможно, лучшими того времени) — все это организует его ум и мышление, формирует личность. Воскресной школе — одной из самых крупных в числе двадцати, открывшихся на январь 1860 года,— Помяловский отдает все силы, став незадолго до ее закрытия педагогом-распорядителем. Главное в его педагогической практике — забота о самых трудных детях, о «дураках» (вновь печальная память бурсы), постоянный поиск новых способов преподавания. Е. Н. Водовозова так описывает в мемуарах типическую картину встречи с Помяловским в воскресной школе: «...скоро все присутствующие в школе — ученики и учителя — обратились в одну аудиторию и внимательно слушали в высшей степени занимательные объяснения Помяловского».

В знаменитых «Очерках бурсы» вопросы воспитания поставлены Помяловским с такой гражданственной силой, здесь жизнь так полно охвачена, что произведение естественно, ненатужно поднимается с очеркового уровня на уровень художественной прозы.

Русские писатели из разночинной интеллигенции 60-х годов — Н. Успенский, В. Слепцов, Ф. Решетников, Н. Помяловский—предложили обществу новую тематику, прежде всего нового героя: интеллигентного разночинца, плебея (так называет его Помяловский), «мыслящего пролетария» (по Писареву). Помяловский подробно и честно создает образ, описывает быт и нравы образованного разночинства, отыскивает в нем живые, добрые черты, выделяет его общественное значение.

Именно социальная новизна тематики объясняет развитие в творчестве Помяловского жанров публицистического романа и художественно-публицистического очерка, жанров, открыто тяготеющих к гражданственности в самом высоком понимании. Это ярко проявляется в активной позиции автора в его произведениях. Он часто обращается к читателю и героям, постоянно участвует в жизни персонажей, разговаривает с ними, спорит. Для Помяловского и его героев идеал — труд на благо общества, и только преждевременная смерть помешала писателю найти литературный путь к этому идеалу.

Творчество Николая Герасимовича Помяловского не только памятник общественных исканий своего времени, благодаря свежему и самобытному дарованию, он оставил след в литературе, достает в его произведениях художественных черт и силы, чтоб не оставлять равнодушным современного читателя, живет обаяние его незаурядной личности.

40 ЛЕТ ПОБЕДЫ

КУХНЯ МИЛОСЕР

Уважаемая редакция!
Кишиневское городское управление внутренних дел, где я работаю дежурным милиционером, переселилось в дом № 6 по улице Бендерской. Слышал я, что это старинное, но хорошо сохранившееся здание из красного кирпича в годы войны фашисты приспособили под тюрьму. Говорят также, что были в городе простые люди, которые, рискуя жизнью, помогали арестованным. Правда ли это? Не расскажете ли в журнале подробнее о том, что же на самом деле произошло на Бендерской, 6?

Валерий Дубля,
старшина милиции

В. КАЗАКОВ

Теплые майские дожди несколько суток мыли мостовые города, но в эту ночь подули южные ветры, и тучи ушли за горизонт. Старая Домника, пробудившись на рассвете, поглядела на маленькое, единственное в ее комнате окно, увидела за стеклом чистое, голубое небо и по привычке прошептала: «Слава богу». Старухе шел семьдесят шестой год. Не одна война прокатилась по ее судьбе, а последняя, отнявшая у Домники всех близких людей, идет третью весну. Третью весну в Кишиневе разбойничают оккупанты.

Чего только не насмотрелась она за эти годы! В июле сорок первого отправилась как-то вверх по Армянской улице и пришла на кладбище. Могилка, возле которой присела отдохнуть, была рядом с каменной стеной. Через широкую щель в стене виден двор бывшей школы, где разместилось гестапо... Домника через щель увидела: во двор привезли большую группу людей, поставили у сарая и расстреляли. Последним слева стоял высокий худой мужчина, на руках маленькая стриженая девочка. Домнике до сих пор часто снятся и девочка и мужчина: он плакал, молил пощадить ребенка.

Ранней весной кишиневцы услышали: фронт с востока подошел к границам Молдавии. У Днестра стали стрелять орудия. Целый месяц там шли бои, потом опять стихло.

Устала Домника. Сон уже не восстанавливает ее сил. Она закрыла глаза, представила себя умершей. И вдруг ясно услышала громкий стук в дверь! В испуге быстро открыла глаза.

— Входите, у меня не заперто.

Вошла Матрена Каминская, соседка. Остановилась у порога, внимательно посмотрела на Домнику и выпалила:

— Солнце давно взошло, дождя, слава богу, нет, а ты все дома сидишь. Дай, думаю, зайду, проведаю подругу, уж не помирать ли собралась ты? Домника, слышишь?

— Слышу, слышу, ты, как всегда, громко говоришь, а я еще не оглохла,— добродушно проворчала она и, с трудом улыбнувшись, стала поднимать голову с подушки.

Вскоре они уже сидели за столом и пили чай, заваренный сухими листьями смородины. И, как в доброе довоенное время, тихо, не перебивая друг друга и не споря, беседовали.

— В городе полно военных... Гонят их наши... Вчера с Вистерничен на Боюканы долго шли танки — силы у фашиста еще есть... Многие наши полягут, пока армия дойдет до Кишинева, а там ведь и дальше надо...

— Господи, где-то мои сейчас? Живы ли?— Матрена поставила на стол кружку с чаем, платочком стала вытирать уголки глаз.

Домника знала: у Каминской в Красной Армии муж, сын и зять.

— А еще, подруга,— вытерев слезы, заговорила Матрена,— рассказывают, будто на улице Пруникуловской в каком-то складе фашисты заперли наших пленных. Несколько дней не давали ни пить, ни есть, а вчера подожгли склад. Приехала пожарная машина, но ее повернули обратно — мол, тушить тут ничего не надо.

— И пленные сгорели?!. Мотя, может, это неправда? Может, болтают люди?

Матрена, ничего не отвечая, молча глядела в стену.

В этот же час из дома, расположенного рядом с жильем Домники Дутченко, вышла маленькая, худая старушка. В одной руке она держала длинную палку, в другой — белый, туго завязанный узелок. Старушка резво семенила прямо по мостовой, палка ее глухо стучала по булыжникам.

Этот стук разбудил дремавшую на табуретке возле своей калитки Кравцову.

— Эй, Ивановна, — спросила она,— далеко ль направилась?

— На Малую малину, к сестре. По солнышку, думаю, добегу быстро,— охотно объяснила старушка.

Через несколько минут она уже шла по улице Бендерской, мимо большого кирпичного дома. Охранял его часовой в румынской форме. От греха подальше, решила старушка и собралась было перейти на другую сторону улицы.

Ее остановил глухой, тихий голос, раздавшийся сверху.

— Мать...

Старушка подняла голову и... застыла на месте. Из-за решетки на нее глядели большие глаза умирающего человека. Его лицо было пепельным, лоб укутывала грязная белая повязка с коричневыми пятнами засохшей крови, грудь едва прикрывала рваная, выжженная на солнце гимнастерка. «Наш... солдатик... раненый...»— проносилось в голове старушки.

— Воды и хоть бы кусок бумаги,— тихо попросил человек за решеткой и пальцем указал на узелок, откуда торчала газета: ею старушка обернула три кукурузные лепешки.

Она быстро присела у стены, развернула лепешки и в протянутую через решетку руку вложила газету. И только увидев, что произошло после этого, наконец, сообразила все.

Несколько рук, мелькнувших за решеткой, быстро рвали в клочки бумагу, а человек в гимнастерке, не отходя от окна, судорожно запихивал куски газеты в рот.

«Господи, да они же помирают от голода!»— с ужасом подумала старушка, схватила лежавшие на траве лепешки и протянула к решетке.

...Вскоре она была на своей улице. Кравцова все еще дремала на табуретке. Наталья Ивановна Скакевич, так звали старушку, разбудила ее, присела рядом на большой камень и рассказала соседке все, что видела и пережила.

— Наташа,— выслушав ее, спросила Кравцова,— а как же часовой разрешил тебе подойти к окну?

— Не знаю. Конечно, он видел, как я остановилась. Наверно, ему тоже жалко людей...

Наталья Ивановна глубоко вздохнула и вдруг взволнованно заговорила:

М. Каминская.

— У меня, соседка, идея.

Кравцова молча кинулась в калитку и мигом вернулась с двумя ведрами в руках.

— Бежим!— крикнула она, не останавливаясь.— Воду наберем по дороге, в колонке!

Когда они с полными ведрами подошли к кирпичному дому на Бендерской, часовой, увидев их, снял винтовку с плеча, долго прилаживал ее между ног, потом, чиркнув спичкой о коробок, так же не торопясь, стал прикуривать. Старушки поставили ведра под окном. Из-за решетки к ним уже тянулись алюминиевые кружки.

Прошло две недели. О том, что в кирпичном здании умирают с голоду советские военнопленные, знала уже вся улица. Женщины по очереди бегали на Бендерскую, передавали за решетку все, что могли. Но три дня назад Матрена Ротару вернулась с недоброй вестью: фашисты огородили тюрьму колючей проволокой и никого к дому не подпускают.

Обстановка у тюрьмы становилась все напряженнее. Вчера Наталья Дубовик попыталась передать военнопленным немного хлеба и вареной картошки, но часовой прикладом ударил ее, выбил из рук еду и на глазах голодных людей, глядевших в зарешеченное окно, стал топтать картошку ногами.

Потом кто-то из женщин приметил, как из дома на Бендерской выносят мертвых. На свалке у Сенной площади их закапывают.

Пора было на что-то решаться... Матрена Каминская с взрослой дочерью, Екатериной, вдвоем пошли на Бендерскую. И опять впустую. Вокруг дома, превращенного в тюрьму, ходят двое часовых. Женщины долго простояли на противоположной стороне улицы. Кроме маленького худенького санитара, в двери дома из красного кирпича за это время не зашел больше ни один человек...

«Санитар? Вот кто нам нужен. Санитар!» Матрена быстро встала с постели, умылась, выбежала на улицу. Вскоре она была на Бендерской... В полдень здесь появился санитар. Его звали Мишей. ...А поздним вечером в своей летней кухне Каминская собрала соседок.

— Вот здесь, на этой плите, будем варить для наших солдат еду,— сказала она.— Их в живых осталось человек пятьдесят, значит, каждый день — четыре ведра. Где возьмем продукты? Будем побираться! Другого выхода у нас нет. Ты, Домника, пойдешь завтра с утра на базар, бери все, что подадут. Матрена Ротару — в нижний город, там у людей усадьбы побогаче. Скакевич и Бурсаковская— на вокзал. Знаю, вы думаете сейчас: «А как же будем передавать еду?»— Матрена глубоко вздохнула, внимательно посмотрела в глаза каждой и, понизив голос, продолжала:— Я прошу пока не спрашивать меня об этом. При-

ДИЯ

дет время, будем живы — все сама расскажу.

Люба Рутенберг принесла большой медный котел. Каминская поставила его на плиту, разожгла печку.

— Пусть закипает вода,— сказала, кивнув Любе, и посмотрела на старые ходики, висевшие на стене летней кухни — «Скоро конец дня. Как-то там у наших дела? Будет ли что засыпать в котел?»

Люба думала о том же и все время поглядывала на калитку. Она первой увидела вошедшую во двор Домнику Дутченко и кинулась снимать с ее спины мешок. Старуха едва держалась на ногах, но глаза весело блестели. Через минуту на столе появились многочисленные кулечки — с пшеном, гречкой, пшеничной и кукурузной мукой, фасолью.

— А еще, Мотя, я купила хлеб!— торжественно объявила Домника и достала из мешка две черные буханки.

Матрена обняла старуху. Домника прилегла на топчан, стоявший тут же, на кухне, и стала рассказывать:

— Пришла я на базар, вижу: в продовольственных рядах покупателей много, а продавцов почти нет. Нечего продавать людям, вот беда. А мне не покупать, просить надо. Стала у ворот, протянула руку — стыдно вспомнить. Какой-то мрачный мужик целую лею дал, потом стою час, другой — никого. А солнце уже высоко! Нет, думаю, так дело не пойдет. Пошла к молочницам и говорю: мне нужны деньги, чтобы спасти раненых советских солдат, они умирают с голоду. Обступили, просят: расскажи подробнее. Я им объясняю, что подробнее не могу—военная тайна. Сама пла́чу, они тоже, потом гляжу, стали развязывать платочки с деньгами. Еще сказали: приходи теперь по утрам с посудой, мы тебе молока будем отливать. От них я — в другой ряд, там бабы по горстке крупы отсыпали.

Продукты, принесенные Домникой, пора было закладывать в котел. Вскоре пришли и остальные — тоже с продуктами.

Ровно в два часа ночи Каминская вышла во двор и тихо приоткрыла калитку. Тут же с улицы в нее скользнули двое. Разговаривая шепотом, они прошли вслед за Матреной в летнюю кухню и взяли приготовленные там четыре ведра пищи. Тот, что был повыше, надел на плечи рюкзак с хлебом. Через несколько минут вышли за калитку...

Прошло два месяца... На Сенную площадь трупы больше не выносили.

Рано утром во двор к Матрене Каминской вбежала Наталья Скакевич и сообщила:

— Мотя, беда! Пропала Тоня Бурсаковская!

Матрена распрямила спину.

— Чего болтать-то? Куда пропала? Расскажи толком.

Но Наталья сама ничего не понимала. Она договорилась с Тоней, что сегодня утром до центра города пойдут «на работу» вместе. Пришла утром к Бурсаковской, а ее дом закрыт.

— Я заглянула в окно — в комнате все вверх дном. Разбой! — Наталья вдруг замолкла, что-то соображая, потом почти шепотом сказала то, что только сейчас пришло ей в голову:— Мотя, у Тони был обыск. Ее забрали в тюрьму.

Матрена присела на табуретку. «Видимо, все так и есть, как говорит Наталья». Вчера вечером Домника Дутченко рассказала, что к ней на базаре прицепился полицейский. Спрашивал, для кого она собирает продукты. Старуха, конечно, ни в чем не призналась, но и полицейский, кажется, ни одному ее слову не поверил. Хотя, попугав, отпустил Домнику. «Теперь очередь за Бурсаковской?»

...Стукнула калитка. Наталья, оглянувшись, вдруг прижала руки к сердцу:

— Тоня!!!

По дорожке к кухне шла Антонина Бурсаковская. Она куталась в теплый платок, лицо ее было уставшим и угрюмым.

Матрена вынесла ей из кухни стул. Через минуту Антонина уже рассказывала о том, что произошло с ней в минувшую ночь.

— Разбудил меня громкий стук в дверь. Вошли трое из полиции. Приказав сидеть на табуретке у стены, начали обыск. Один пошел в кухню, двое других за несколько минут все перевернули в комнате, где я жила. Потом полицейский, тот, что был постарше, сказал: «А теперь, уважаемая, приглашаем к нам в гости. Живо!» Привели в участок. Посидела немного в коридоре, зовут в кабинет. Вхожу. За столом офицер. Стал он мне задавать вопросы, а у меня голова разболелась, ничего сообразить не могу. Понимаю одно: он хочет, чтобы я рассказала, кому мы отдаем продукты. Ну, я в ответ: «Продукты собираем для себя, жить нам, одиноким старухам, больше не на что». Закрыли меня в темной комнате, а час назад выпустили. Офицер, когда подписывал пропуск, предупредил: «Продукты для военнопленных чтоб больше собирать не смела!» Вот так-то, все они про нас знают.

Долго женщины сидели молча. Думали об одном. Первое предупреждение фашисты сделали, а как поступят, если кухня по-прежнему будет работать? Женщины знали, как они могут поступить.

— И все-таки бросить раненых нельзя!— сказала наконец Матрена Каминская.

...Перевалил за середину август. Кухня продолжала работать.

В полдень, когда Каминская стала разжигать плиту, со стороны вокзала послышались автоматные очереди. Стрельба с каждой минутой усиливалась и вскоре там, судя по всему, разгорелся настоящий бой.

«Неужели началось?!» Три дня назад, утром 20 августа, она вдруг услышала со стороны Бендер нарастающий гул артиллерийской канонады. Тут же прибежавшая к ней Домника Дутченко с порога объяснила, что там происходит: «Наши переплывают Днестр!»

Каминская в тот день собрала соседок.

— По городу сейчас ходить опасно. Думаю, надо пока сидеть дома. Начнется бомбежка, прибегайте ко мне, спрячемся в подвале.

И вдруг стрельба у вокзала прекратилась. Но через несколько минут автоматные очереди донеслись со стороны Скулянской рогатки, тут же к ним присоединились выстрелы у кожевенного завода, на южной окраине города стала бить артиллерия. Потом опять все стихло — на этот раз, кажется, надолго, и Матрена снова вспомнила о плите.

Санитар Миша прошлой ночью унес пленным «сухой паек»— хлеб и фрукты. Может быть, нынче Матрене удастся хоть что-нибудь сварить, надо только хорошо вытрясти все мешочки.

Котел доваривался, когда по городу вдруг ударили орудия. Матрена посмотрела на ходики — было ровно девять вечера. Прибежали соседки...

Через полчаса солдаты армии Берзарина пойдут в атаку. Через шесть часов Кишинев будет освобожден. Придут бывшие военнопленные, те, что сидели за решеткой в доме по улице Бендерской, придут, чтобы низко поклониться своим спасительницам. Все это будет.

А пока женщины сидели в подвале и чутко прислушивались к гулу разгоравшегося наверху сражения...

среди книг

ИТАЛЬЯНСКИЕ НАХОДКИ

Книга И. Бочарова и Ю. Глушаковой «Карл Брюллов» относится к тому оригинальному и весьма плодотворному жанру научно-популярного повествования, в котором рассказ об этапах самого исследования приобретает увлекательный оттенок почти детективного поиска.

«Карл Брюллов» — это не монография о великом русском художнике. Работа касается только того этапа его творчества, который долгое время оставался неизвестным. Волею судеб авторы книги оказались в Италии, где вели долгий и нелегкий поиск новых страниц биографии художника. Здесь исследователи встречались с самыми разными людьми, имеющими сведения о жизни К. Брюллова в Италии. Их рассказы становятся той ариадниной нитью, которая и ведет к открытиям.

Искусствоведческий поиск велся профессионально, во всеоружии эрудиции и широких специальных знаний.

Авторы прошли нелегкий путь розысков и установления подлинности найденных работ Брюллова, восстанавливая, таким образом, важные страницы в его творческой биографии. Прежде всего обращает на себя внимание введение в научный оборот замечательных портретов Джульетты и Анджело Киттони, выполненных во время пребывания художника в Италии в 1850—1852 годах. Авторы выявили важный факт в истории семьи Киттони — участие некоторых ее членов в итальянском революционном движении. Атмосфера этого дома, овеянная высокой романтикой, духовная жизнь семьи определили пафос портретов Брюллова. Это очень важно, ибо указывает на истоки романтического искусства художника, на идеи, которые питали его творчество.

Брюллов предпринял попытку осознать человеческие страсти, нравственный облик человека в грандиозной картине «Последний день Помпеи» (1833). Благодаря находкам И. Бочарова и Ю. Глушаковой мы видим, что это была не единственная картина, где ставились философские проблемы. Эскиз к неосуществленной картине «Всеразрушающее время» (1850—1852) показывает, что Брюллов мучился грандиозными задачами, пытался осмыслить в форме аллегорически-символического повествования общечеловеческие проблемы. Находка дополняет наши представления о творческом методе художника, устанавливает его связи с ренессансным искусством, с барокко, истоки которых питали романтизм первой половины XIX века. Авторы книги не претендуют на безоговорочность своих суждений. Это ценное и обязательное для истинного исследователя качество не позволяет «подчиниться» материалу и сделать излишне прямолинейные заключения. Некоторые гипотезы в рецензируемой работе лишь намечены. Тем самым другим исследователям как бы предоставляется право доказать их, обратившись к дополнительным изысканиям и анализам биографических и творческих фактов.

Вполне естественно, что в процессе поиска исследователь встречается с «побочным» материалом, неизбежно попадающимся на путях генерального направления. Так случилось с авторами книги, когда они остановили свое внимание на лермонтовских портретах, прояснили судьбу демидовской коллекции и т. д. И эти «уходы в сторону» придают особую прелесть, живость и естественность книге о Брюллове.

Поиски И. Бочарова и Ю. Глушаковой представляются весьма интересными и плодотворными, ибо вносят в изучение истории отечественного искусства весомый материал, исключенный до сих пор из научного обращения.

Издательство «Знание» подготовило и издало эту книгу очень тщательно, с любовью и вкусом, снабдив ее интересными иллюстрациями, которые существенно дополняют и расширяют наше представление о жизни и творчестве великого Брюллова.

Виталий МАНИН,
кандидат искусствоведения

Иван Бочаров, Юлия Глушакова. Карл Брюллов. Итальянские находки. М., «Знание», 1984, 192 с.

Как стать певцом

Елена ПУХОВА

Мы договорились встретиться у оперного театра. Алибек опаздывал, и я уже несколько забеспокоилась. Но напрасно: вскоре он появился, возбужденный, встревоженный, еще не остывший от какой-то музыкальной баталии.

— Простите, репетиция затянулась. Готовим новый спектакль. Понимаете, и партию свою знаю хорошо, и герой необычайно симпатичен, а вот не клеится пока роль. Сказывается отсутствие опыта, ведь на оперной сцене я пою недавно. Это так сложно — соединить в себе певца и актера.

Я не смогла сдержать улыбки:

— Странный у нас получается разговор. Я приехала, чтобы встретиться с одним из талантливых молодых исполнителей, лауреатом премии Ленинского комсомола Казахстана, рассказать читателям о биографии, богатой серьезными творческими удачами — I премия на конкурсе молодых вокалистов имени М. И. Глинки, II премия на конкурсе Р. Шумана в Цвиккау,— а вы с первых же слов начинаете себя ругать...

— Поверьте, это вполне искренне. Больше всего боюсь самоуспокоенности. Голос, умение, особое «чувство зала»— всего этого мало. Статика, сценическая беспомощность певца способны испортить любой спектакль. Впереди у меня серьезная работа — партия Альфреда в «Травиате» Д. Верди и графа Альмавивы в «Севильском цирюльнике» Д. Россини — спектакли, которые слушатели помнят и любят в исполнении замечательных певцов. В театре мне приходится немало работать.

— Алибек, но я знаю, что вы много выступаете и в концертах. Что же вы считаете главным для себя, театр или концертную деятельность?

— Когда в моей жизни не было оперной сцены, мне казалось, что именно в концертной программе певец может наиболее полно себя проявить. Но после первой же оперной партии — это был Ленский в «Евгении Онегине» — я понял, что без театра себя уже не мыслю. Правда, я твердо знал еще и то, что работа над концертной программой, «ювелирная» отточенность каждого произведения, композиционная выстроенность помогают и облегчают понимание сложных задач, которые ставит оперный спектакль. Ну, а потом, как же можно петь Ленского в «Онегине» или Германна в «Пиковой даме», не прочувствовав всей глубины, страстности, жертвенности образа лирического героя вокальных циклов Чайковского — его удивительных по силе эмоционального воздействия романсов? А совсем недавно я заметил, что пытаюсь внести в программы своих концертов приемы театральности, иногда мучительно ищу верный сценический жест. И это, конечно, потребность, выработанная театром.

— Знаете,— неожиданно предлагает Алибек,— давайте я покажу вам нашу Алма-Ату! Думаю, что гид из меня неплохой. Я ведь здесь родился...— Неспешно следуем мы по городу, подчиняясь направлению его улиц и улочек, стекающих к нарядным, праздничным площадям.

— Алма-Ата моего детства была совсем иной,— говорит Алибек.— Мы, мальчишки, вечно околачивались на улицах. Поэтому знали все окрестные новости: кто куда и зачем пошел, у кого кто родился... В семье я был младшим, и, честно говоря, меня сильно баловали. Что бы я ни натворил, всегда за спиной стояли три старших брата — Эмиль, Тимур и Фархат,— моя надежная защита. Но вскоре все мои бесконечные, казалось, шалости кончились. Их вытеснил оперный театр, где в хоре пела моя мама, а дядя был одним из солистов. Постепенно я стал «нормальным театральным ребенком», то есть целыми днями пропадал за кулисами, а уроки готовил в уголке костюмерной. Но о профессии музыканта, а тем более певца я и не мечтал. Желание научиться петь пришло ко мне вдруг, совершенно внезапно, когда появилась в нашем доме пластинка Робертино Лоретти... С конверта смотрел мой ровесник, мальчишка с озорными темными глазами, но голос его буквально завораживал меня. Я выучил все песни Робертино, потом осмелел и начал подпевать. И однажды мой собственный голос зазвучал чисто и светло. «Вылупился!»— пошутил отец. На семейном совете решили учить меня музыке всерьез. Правда, исполнить задуманное оказалось нелегко: в музыкальную школу меня, десятилетнего переростка, приняли только по классу баяна. Но когда я впервые увидел инструмент, то твердо заявил, что «на этих пуговицах» играть не буду. Тогда наша мудрая мама придумала выход. Она убедила меня заниматься на аккордеоне, клавиатура которого так напоминала рояль! А вот петь мне строго-настрого запретили, чтобы сберечь голос в период юношеской ломки. Я сильно переживал, но смирился и молчал почти до семнадцати лет. Поступая в музыкальное училище, выбрал дирижерско-хоровой факультет. Самым главным предметом для меня сразу стал хор, в котором я пел в басах. Сейчас я просто не понимаю, как это мне с моим высоким голосом удавалось. Пение в хоре было для меня не только любимым предметом, но и прекрасной школой. Есть в музыке удивительный парадокс — ее можно слушать, но не слышать. Речь идет, конечно, об искусстве фразировки, ансамбля, о поисках нужного тембра, окраски звука, то есть о том, из чего, как полотно из нитей, рождается музыкальное произведение. Одолеть эту трудную науку «слышать» мне помог именно хор. Он не требует от исполнителей выдающихся голосов, скорее наоборот — яркие, сильные голоса приходится несколько приглушать, чтобы не нарушить общего «баланса» звучания. Вести свою партию, услышать и передать причудливый рельеф и пластику музыкальной ткани и в то же время быть частью огромного оркестра голосов — это большое искусство! Навыки, полученные в училище, очень помогают мне сейчас в работе над ансамблевыми сценами оперных спектаклей.

— Ну, а потом? Как же вы все-таки стали певцом-солистом?

— Знаете, совсем по пословице: не было бы счастья, да несчастье помогло. Закончил училище и с треском провалился на дирижерско-хоровой факультет Ленинградской консерватории — не хватило знаний по теоретическим дисциплинам. Вернулся в Алма-Ату и попробовал показаться на вокальный факультет консерватории. Специальной программы у меня, конечно, не было, потому пел самое любимое —«Цыганские напевы» Сарасатэ. Надия Абдрахмановна Шарипова решила взять меня в ученики. Комиссия охотно и не без удивления согласилась: надежд я подавал мало и других желающих взять меня к себе в класс просто не было.

— Но когда же вы стали тем Алибеком Днишевым, которого мы так хорошо знаем и любим?

— Должен вас огорчить, чуда не было. Была систематическая, изо дня в день работа, была любовь к музыке и еще огромное тепло и вера замечательного педагога в мое будущее. Перелом наметился уже в консерватории... Я был студентом последнего курса, когда началась подготовка к конкурсу М. И. Глинки 1975 года. Сам я об участии в этом конкурсе даже не думал, ведь за все пять лет консерватории ни разу не получил пятерки по специальности! Но Надия Абдрахмановна была непреклонна: «Если ты не пересилишь страх неудачи, не поверишь в свое право на большую музыку — не быть тебе певцом».

Неожиданно для себя я прошел предварительное прослушивание и был допущен к конкурсу!.. Честно говоря, мне хотелось бы вспоминать те дни несколько иначе. Я с удовольствием рассказал бы вам, что на сцену взлетел на крыльях волшебного вдохновения, что я чувствовал себя легко и свободно. Но, увы... На негнущихся ногах я подошел к роялю; руки — как лед, мучительно прислушиваюсь к себе, ищу первую ноту. Меня спасло только то, что у первого произведения было развернутое фортепьянное вступление: в эти мгновения пришел на помощь навык, вспомнились часы тщательной работы и даже появилась вдруг какая-то легкость... Вот таким было начало.

А сейчас для меня самый строгий судья — одиннадцатилетняя Дания, моя старшая дочь. Она учится в музыкальной школе. На всех концертах стоит за кулисами и тщательно записывает все мои ошибки!

Мой спутник все чаще посматривает на часы. Скоро начнется спектакль. Мы прощаемся. Но вечером, из темноты зрительного зала, я услышу его удивительный голос.

Народный артист Казахской ССР Алибек Днишев

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

8
4

Литовский баскетбол

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА

Великолепная победа и горечь неудачи последовали одна за другой с интервалом в несколько дней: баскетболисты «Жальгириса», не успев еще до конца насладиться мыслью, что они, пять раз в течение сезона выиграв у прославленных армейцев, стали чемпионами страны, должны были тут же поздравить с Кубком обладателей кубков испанскую «Барселону».

Вот после этих двух громогласных событий в истории «Жальгириса» я и встретился со старшим тренером команды Владасом Гарастасом. И, признаться, был не в малой степени удивлен полнейшей его невозмутимостью, как будто эти два потрясения — радостное и печальное — давно отошли в далекое прошлое.

Таков стремительный темп современного спорта, и этот темп растет от года к году не только на спортивных аренах, но сохраняет свой головокружительный ритм и в так называемые спокойные будни. В тот день, когда я в Каунасе встретился с Владасом Гарастасом, его лучшие баскетболисты — Вольдемар Хомичус, Арвидас Сабонис и Римас Куртинайтис после тренировочной сессии в составе сборной страны должны были прилететь из Москвы на несколько дней домой, прежде чем отправиться на игры в Болгарию, а затем и в ФРГ на чемпионат Европы. Все же остальные члены команды в эти дни приступали к подготовке к новому сезону.

31 матч провел «Жальгирис» на чемпионате страны и 29 раз победил. Для этого нужно трудиться и трудиться. И чем же теперь заниматься: самовосхвалением или самобичеванием?.. Нет, сейчас гораздо важнее просто подумать о том, почему его команда, встретившись с «Барселоной» в финале розыгрыша Кубка обладателей кубков, так долго искала свою игру, а наверстав упущенное во второй половине матча и сократив разрыв, не использовала нескольких верных возможностей, в том числе последнюю, за 35 секунд до конца игры, когда при счете 73:75 Куртинайтис, бросивший десять раз точно, не сумел забить решающий мяч...

Но Куртинайтис для тренера вовсе не виновник поражения, а одна из самых радостных находок минувшего сезона. Как он заиграл! В течение всего чемпионата он набирал силу и блестяще проявил себя в матче с «Барселоной». Так о чем сейчас важнее помнить? О мяче незабитом или о тех 34 очках, которые принес баскетболист в этой встрече?

Как недоставало такого атакующего защитника команде! И как легко не угадать возможности молодого баскетболиста! Ведь вот же Римас Куртинайтис, взращенный в Каунасе, приехал, чтобы играть в «Жальгирисе», из Москвы. Просидел на скамейке ЦСКА, и опытные армейские тренеры не разгадали его способностей, да и Владас Гарастас не в первый и не во второй год понял, каковы возможности этого «блудного сына». А думал ли этот многоопытный, влюбленный в литовский баскетбол тренер, приняв в команду худенького, скромного семнадцатилетнего юношу, питомца детской баскетбольной школы гороно Арвидаса Сабониса, что он получит центрового, о котором так долго мечтал?

Гарастас приметил Сабониса еще в 1981 году, на Спартакиаде школьников, но сколько прошло тренировок, прежде чем раскрылись блестящие способности новичка! А когда Сабонис вошел в пятерку капитана команды Хомичуса, — также питомца каунасской баскетбольной школы гороно,— все стало на свое место. И эта ударная двойка стала ядром команды, так блестяще проявившей свои возможности в этом году.

Вместе со своим помощником Гендриком Гедрайтисом Владас Гарастас неустанно стремится нарастить мощь своей лучшей пятерки. Раймондас Чивилис и молодой баскетболист Альгимантас Бразис, заменивший заболевшего опытного С. Йовайшу, и стали основными авторами победы на чемпионате страны и над рядом сильнейших иностранных команд, что и позволило «Жальгирису» впервые дойти до финала Кубка обладателей кубков.

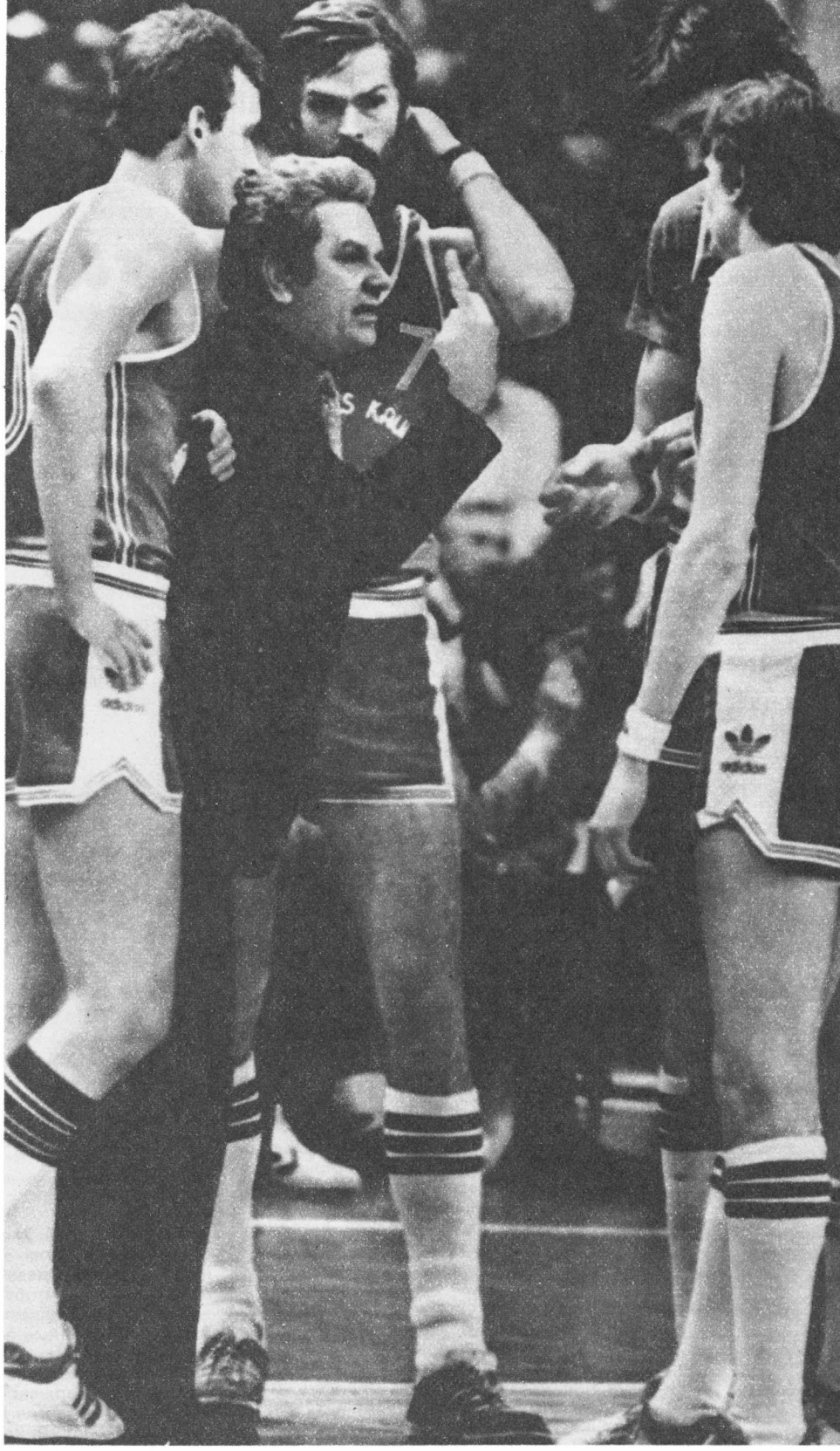
Владас Гарастас принял команду шесть лет назад, и опыта у него, казалось, было не так уж много. Новый тренер лучшей команды республики работал директором детской баскетбольной школы в маленьком городке Бержай, тренировал местную команду, но, кроме этого, Гарастас несколько сезонов тренировал сборную команду Литвы, знал многих спортсменов, ведущих тренеров, а главное — хорошо понимал, что в его распоряжении поистине неисчерпаемые резервы: ведь баскетбол поистине национальный вид спорта в Литве.

До сих пор Владас Антонович не порывает своих связей с многочисленными детскими баскетбольными школами, а они работают почти во всех городах республики, во многих районах. Команд в Литве более ста, и соревнования проводятся на самых разных уровнях от малышей до ветеранов, а просто увлекаются баскетболом, выходят на площадки в свободную минуту десятки тысяч человек. Тут надо только не прозевать появления способных игроков.

В детской школе «Жальгириса» занимается 350 человек в возрасте от 7 до 18 лет, и задача 14 тренеров школы заключается в том, чтобы заранее наметить наиболее подходящих абитуриентов. Для этого они держат постоянную связь со школами, бывают на тренировках и соревнованиях. Выпускник школы Шарунас Марчулёнис, играющий теперь во второй по силе команде — вильнюсской «Статибе», привлечен к тренировкам в сборной команде СССР.

Надо видеть, как горячо следят юные баскетболисты за успехами их старших товарищей, а те частые гости на тренировках баскетбольной школы. Для Владаса Антоновича Гарастаса будущее — это не только новый спортивный сезон, к которому надо напряженно готовиться, но и молодой литовский баскетбол. Он никогда не забывает о том, что новые победы «Жальгириса» зарождаются в тренировочных залах, где занимаются питомцы детских школ. Оттуда придут в литовский баскетбол новые Хомичусы, Сабонисы и Куртинайтисы.

Москва — Каунас.

Минутный перерыв. В центре — старший тренер «Жальгириса» В. Гарастас.

Игроки «Жальгириса» А. Бразис, Н. Лекараускас и Г. Крапикас встретились с юными баскетболистами.

На матче ЦСКА — «Жальгирис». А. Сабонис в атаке.

Зарницы войны

Эдуард АСАДОВ

Зарницы войны... В суматошной торопливости повседневных дел они вспыхивают в памяти не часто. Но как в природе, так и в нашем сознании зарницы памяти, точь-в-точь как и грозовые зарницы, чем ближе к весне, тем вспыхивают все ярче и чаще. Особенно же густо сверкают они в первую декаду мая... Как полюс собирает меридианы, так май как бы фокусирует воспоминания о далеких боевых днях.

Так уж вышло, что моя фронтовая судьба оказалась теснейшим образом связана с тремя городами — на груди каждого засверкала впоследствии Золотая Звезда Героя. И мне всегда приятно сознавать, что в сиянии всех трех этих звезд есть по лучику и моего ратного труда.

Ленинград! Сколько спето о нем песен и сколько написано книг! И вряд ли мне нужно что-либо еще рассказывать о нем. Я просто приезжаю сюда, как в свою юность, горькую, трудную, но удивительно милую и дорогую... Я с удовольствием дышу его влажным, солоноватым и всегда холодноватым ветром, часами брожу по его улицам и переулкам, встречаюсь в концертных залах с дорогими моему сердцу ленинградцами, которые так горячо и взволнованно принимают меня, и читаю им стихи. У нас удивительное понимание. Между сердцем поэта и сердцами читателей словно бы протянуты тысячи туго натянутых незримых нитей. И биение моего сердца отчетливо отдается в их сердцах. Я стою на залитой прожекторами сцене Академической капеллы, или в Концертном зале у Финляндского вокзала, или во Дворце культуры на Выборгской стороне и читаю ленинградцам стихи. Я пришел к этим вечерам через самые тяжкие дни войны, опаляя гвардейскими залпами наших «катюш» метельную стужу блокадной зимы, болея душой за каждого ленинградца, за каждую улицу и каждый дом. Я читаю ленинградцам стихи, и люди слушают меня в напряженной тишине. Они верят мне, отдают теплоту своих душ. Это мой праздник, мой звездный час, а точнее, наш праздник, праздник победы самых горячих и высоких чувств!

Я не рожден в городе на Неве. Но город этот мой. А я принадлежу ему.

Не ленинградец я по рожденью.
И все же я вправе сказать вполне,
Что я — ленинградец по дымным
сраженьям,
По первым окопным стихотвореньям,
По холоду, голоду, по лишеньям,
Короче: по юности, по войне!

Я бросаю в тишину Концертного зала слово за словом. Чуть потрескивают вольтовы дуги юпитеров и софитов; от них, вместе со светом, на сцену катится горячей волною жаркий воздух. Но на какое-то время создается иллюзия, что это тепло двух тысяч сердец заливает сцену. Я читаю стихи и вижу седые от морозного инея леса, опушки с искореженными снарядами стволами и ветками деревьев, с черно-бурыми ранами воронок на белом снегу; замершие на огневой позиции в четком строю, изящные в своей стальной могучей красоте, с устремленными ввысь стальными стрелами спарок наши знаменитые «катюши» и застывшие в напряженном внимании простые и дорогие лица моих товарищей по войне. Они сражались за этот город, за всю страну, за то,

Э. Асадов в 1943 году.

чтобы жизнь победила вновь, люди забыли о страданиях и горе, чтобы бежали на свидания счастливые девчонки, работали заводы, цвели цветы и чтобы когда-то, в таком далеком для них будущем, пришли нарядно одетые люди в Концертный зал на поэтический вечер. И у меня такое ощущение, что вместе со мной незримо стоят сейчас на сцене погибший в первом же бою сержант Бурцев, бесстрашный пулеметчик Константин Кочетов, старшина Фомичев, Петя Шадрин, комбат наш Николай Ляньку, Коля Пермяков, Костя Белоглазов — все, все мои фронтовые товарищи и побратимы! И это в их честь, да, прежде всего в их честь гремят бурные аплодисменты, и им дарят люди прекрасные букеты цветов!

Почти всякий раз, приезжая сюда, я бываю на местах боев. Кладу цветы к подножию скромного монумента, на котором высечены слова о том, что тут в январе 1943 года встретились воины Волховского и Ленинградского фронтов, осуществившие прорыв фашистской блокады города.

Я посещаю места наших огневых позиций, молчу у обелиска «Разорванное кольцо» и словно бы опять мчусь по фронтовым дорогам, вновь стою у консоли прицельного приспособления, припав глазом к окуляру панорамы, и навожу свою боевую «катюшу» на цель. В такие минуты я словно бы сбрасываю незримое бремя лет, слышу взвизгивания пуль, грохот разрывов, ощущаю смолистый аромат сосняка, едкий запах гари, слышу знакомые голоса моих товарищей и душой, сердцем своим прикасаюсь к их светлой памяти...

Среди множества вопросов, которые я получаю на литературных вечерах, мне задали и такой,— кажется, это было в Доме офицеров: «Эдуард Аркадьевич! Скажите, пожалуйста, что вам особенно запомнилось в самом начале и в самом конце войны?»

Я задумался. В моем мозгу, как на экране, стали мгновенно прокручиваться десятки различных фронтовых эпизодов. И вдруг стоп! Лента словно бы остановилась. А на «экране»— темный, почти черный от поздних сумерек лес, залитая голубовато-желтым, призрачным светом луны, укатанная машинами дорога, затвердевший от мороза снег, а на дороге две фигуры — одна высокая, большая, другая поменьше, приземистая и настороженная. Первые немцы, первые фашисты, которых я вижу почти в упор, лицом к лицу...

А случилось это в конце ноября 1941 года. Наш 50-й гвардейский артминометный дивизион находился на Волховском фронте вот уже два с половиной месяца. За это время мы дали более пятидесяти залпов и считали себя уже бывалыми фронтовиками. Впрочем, пятьдесят залпов, каждый из которых приводил противника в ужас, и постоянная охота за нами, как с воздуха, так и при помощи всех имевшихся у фашистов сил и средств,— вполне достаточное для того основание. Пользуясь скоростью наших машин, оперативностью и мастерством боевых расчетов, мы, как угорелые, носились вдоль линии фронта, и в самых трудных местах сражений гремели могучие залпы гвардейских минометов.

Главное же место нашей дислокации находилось в густом сосновом лесу, примерно в трех километрах от станции Войбокало. Отстрелявшись и увильнув от вражеской артиллерии и разыскивающих нас самолетов, мы возвращались сюда, в «дремучий терем», как шутливо именовал нашу базу склонный к мечтательности бывший «мстерский богомаз» старшина Фомичев. Тут в объятиях вековых сосен и под сенью их могучих лап мы чувствовали себя спокойно и почти по-домашнему уютно. Заправив машины, проверяли моторы и боевые установки и, замаскировав всю технику, ныряли с мороза в жарко натопленные землянки, к горячим щам, теплу и долгожданным письмам.

Возвратились мы однажды засветло с огневых позиций. Согрелись, поели и, когда принялись за горячий чай, настроение окончательно поднялось. «Счастливчики», получившие письма, уселись немедленно писать ответ, кто положив листок на доску от снарядного ящика, а кто на перевернутый котелок. Другие курили, балагурили, вспоминали эпизоды только что пережитого боя, а иные уже пристраивались поудобнее, намереваясь пораньше лечь спать. Так сказать, «припухнуть в запас», ибо неизвестно, когда еще придется хорошо выспаться. Каждую минуту могут поднять по тревоге. Вдруг стоявший на посту у дороги часовой вызвал начальника караула. Оказалось, что к нему подошла женщина из деревни Красный шум, примыкавшей к станции Войбокало, и пыталась заговорить с ним. По уставу часовому ни с кем, кроме своего прямого начальства, вступать в разговоры не разрешается. Но и отправить женщину обратно тоже нельзя. Как-никак, война! Мало ли что могло случиться. И надо выяснить, что и как.

Уже не очень молодая, закутанная почти до глаз в серый платок, усталая женщина немного сбивчиво и встревоженно рассказала сержанту Кудрявцеву о том, что нынче утром, отправившись в лес за дровами, она заметила возле старой, заброшенной землянки двух незнакомых людей. Ее они не заметили, но она разглядела их хорошо.

— Не нацинские,— по-северному цокая, говорила она,— побей меня бог, не нацинские. У нас тут, поцитай, и мужиков-то никаких поцти

Главы из книги.

нет, а которы есть, так уж я всех, как есть, знаю. А эти цудные какие-то и все хоронятся, да я их все равно углядела. Кто их знает, кто такие. Глянуть бы вам, товарищи, может, подожгут или еще какой разбой уцинят. Вот и пришла к вам.

Подошел старшина Фомичев. Выслушал женщину и, закуривая, предположил:

— Может, беженцы какие-нибудь или дезертиры... Насчет немцев — не думаю. Это навряд. Леса немец боится. Однако надо обмозговать. Подождите тут минут десять. Я сейчас!— И побежал доложить комбату.

Надо сказать, что караульная служба у нас в батарее, как и во всем дивизионе, была поставлена хорошо. Больше того, к нам прикомандирован был ввиду секретности нашего оружия даже взвод охраны. На протяжении нескольких месяцев наше подразделение находилось в двойном кольце караулов: снаружи — взвод охраны, внутри — часовые нашей батареи. Не знаю, как на других участках, но тут, под Ленинградом, где бы мы ни стояли, ни в одном лесу никаких фашистов не встретили ни разу.

Вот почему, побеседовав с женщиной, ни старшина, ни комбат серьезного значения ее рассказу не придали. Но жизнь во все вносит свои коррективы и учит, что даже в самых проверенных правилах могут встретиться исключения.

Вернувшись от комбата, старшина сказал, что показания женщины надо проверить. Для этого он отрядил ефрейтора Кочетова, младшего сержанта Шилова и двух неразлучных друзей — бывших плотников, рядовых Бойкова и Зеленова. Уходя, Кочетов перекинул винтовку СВТ через плечо и, повернувшись к женщине, шутливо прихлопнул валенком:

— Под руку вас не взять?

Та добродушно улыбнулась и каким-то потеплевшим голосом сказала:

— Возьми, возьми, родимый. У меня сынок, вот тоць-в-тоць такой же соколик на границе служил. Где-то он нонце и жив ли... один бог ведает.

— Ничего, мать,— нашелся Константин.— Не волнуйся. Сын твой жив. Пограничники, они ведь что заговоренные. Пуля их не берет. Можешь верить как дважды два!

Вернулись они уже затемно, без женщины, но с двумя незнакомцами, которых вели под конвоем. Как рассказали потом ребята, дело произошло так: к месту, о котором говорила им женщина, они пришли, когда сумерки уже начали понемногу сгущаться. Поблагодарив женщину, Кочетов попросил ее вернуться обратно. К землянке подошли неслышно. У входа, завешенного плащ-палаткой, встали полукольцом и взяли винтовки на изготовку. Шилов на всякий случай вынул из подсумка гранату. Кочетов, поколебав концом штыка плащ-палатку, из-под которой слабо пробивался желтоватый свет, громко скомандовал:

— Эй, кто там есть, быстро выходи наружу! Не задерживай, ну!

В землянке затаились. Ни звука. Тогда Шилов рассерженно крикнул:

— Считаю до пяти. У меня в руке граната. Если не выйдете, полетите к чертовой матери! Ну!

Полог отдернулся, и оттуда выглянул круглолицый человек в ушанке со звездой и в нагольном полушубке. Улыбнулся и с развязной приветливостью сказал:

— Ну чего вы шумите? Свои мы, свои! Два командира. Направляемся в часть. Вот зашли сюда на часок обогреться и перекусить. Так что все в порядке, товарищи!

Кочетов сухо отрезал:

— Ну, это мы еще разберемся.

А Шилов, смягчившись, добавил:

— Это хорошо, если свои. Только попросим выйти наружу и предъявить документы.

Плащ-палатка задернулась. Внутри глухо заговорили. Затем круглолицый в ушанке, все так же улыбаясь, первым стал неторопливо выбираться наружу. Ребята, не опуская оружия, молча ожидали. Был он невысок, худощав, так как даже в полушубке не казался плотным. За плечами небольшой вещмешок, на ремне — кобура пистолета.

Кочетов снова предупредил:

— Оружием не баловать...— и, кивнув на отведенный затвор СВТ, добавил: — Чтобы не вышло какого недоразумения.

Вслед за первым из землянки медленно, помедвежьи стал вылезать второй человек. Этот, когда выпрямился, показался огромным. Одет так же, как и его спутник. Он был хмур, молчалив и нагловато-высокомерен.

— Во-первых, со старшими по званию надо держаться иначе,— сказал он, окидывая презрительным взглядом гвардейцев.— Я капитан, а это — лейтенант. А вы, насколько я понимаю, солдаты.

Бойков и Зеленов смущенно переглянулись. Но Кочетов и Шилов не растерялись. Шилов хмуро сказал:

— Мы тоже не гулять пришли. Война. Попросим предъявить документы.

Незнакомцы несколько секунд молчали, словно бы оценивая обстановку. Но направленные на них три винтовки, пистолет и граната в руках у Шилова заставляли считаться с гвардейцами. Высокий, расстегивая верхний крючок полушубка, грубовато сказал:

— Хорошо. Документы мы сейчас вам покажем. А потом — кругом! И чтобы больше нас здесь не беспокоить! Через час мы отправимся в свою часть.

И он назвал номер инженерного батальона. Под полушубками у командиров были новые телогрейки, а под ними гимнастерки (тоже новенькие) с двумя кубарями на петлицах у одного и со шпалой у другого. Все на незнакомцах, от ушанки до черных с отворотами валенок, было новехоньким, прямо со склада. Только на плечах и рукавах желтовато-белых полушубков пятна сажи — следы знакомства с прокопченной землянкой. И физиономии у обоих не говорили о том, что они знакомы с морозными ветрами и продовольственными перебоями. А были они, как сказал потом Бойков, «хорошо нажратые и тыловые».

Капитан, презрительно оттопырив губу, демонстративно-медленно отстегнул клапан гимнастерки. Вынув документы, величественно протянул их Шилову. То же самое сделал и лейтенант. Младший сержант, засветив карманный фонарик, просмотрел документы, передал их Кочетову. Но пистолета не опустил. Напряжение не проходило и с каждой минутой становилось все более острым. Что-то неуловимо-недоброе и тревожное висело в воздухе.

Документы были в порядке. Шилов взглянул на Кочетова, как бы спрашивая: «Ну что? Все вроде правильно. Будем отпускать или нет?»

Кочетов еле заметно отрицательно качнул головой.

— Все вроде бы правильно,— громко сказал он.— Зеленов, слазь-ка в землянку. Не забыли ли там чего?

Зеленов спрыгнул вниз. Капитан вскипел:

— В чем дело? Кто разрешил вам такие действия? Предупреждаю, что неприятности у вас будут большие!

Не опуская пистолета, Шилов простодушно сказал:

— Извините, товарищ капитан. Мы ведь тоже не просто так. Служба есть служба.

Из землянки вылез Зеленов:

— Ни хрена там особенного нет. Вот только карта какая-то... фляга... окурки...— Он протянул на ладони несколько сигаретных окурков. Улыбнулся: — Душисто курят в тылу. Не наша махра.

Фляга была великолепная. В коричневом суконном чехле с золотыми кнопками и такой же золотой крышкой и на новеньком хрустящем ремне. Лейтенант сказал:

— Трофейная. Если хотите, могу подарить.

Капитан снова вскипел:

— Хватит болтовни! Документ в порядке? В порядке! А теперь кру-гом! И чтобы я вас больше не видел!

Он протянул руку за документами. Другая легла на кобуру пистолета. Кочетов, отпрыгнув, направил штык в грудь капитану. Шилов взвел курок пистолета. Зеленов и Бойков встали за спинами незнакомцев.

Кочетов крикнул:

— Руки! Не двигаться! Будем стрелять!

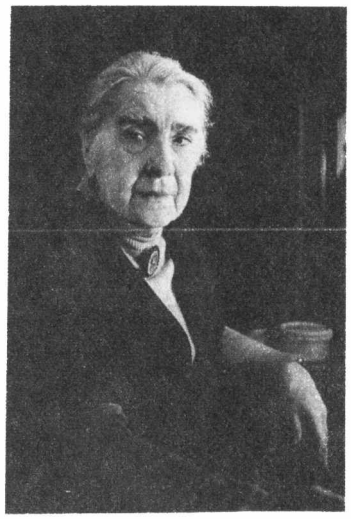
И когда те подняли руки, уже спокойнее добавил:

— Прошу сдать оружие! И пройти с нами. Там разберутся. И если выйдет, что все нормально,— документы и все остальное вернут. Если вы командиры, то должны нас понять. Бойков, забери пистолеты!

Окончание следует.

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. Н. ГОГОЛЕВОЙ

Мне всегда по душе жизнелюбивые, энергичные, упорные в стремлении к цели люди. Если же качества эти помножены на большой талант, а цель высока и благородна, то это еще более укрупняет личность, придает ей ту неповторимость, по которой и узнаешь истинного художника.

Народная артистка СССР Елена Николаевна Гоголева... В блестящей плеяде актеров Малого театра ее имя занимает свое почетное место, а сценическая звезда ее продолжает сиять своим особым светом вот уже более шести десятков лет.

В 1918 году после окончания Филармонического училища пришла она в Малый театр. Пришла, сделав совершенно сознательный выбор, увлеченная той правдой больших чувств, тем высоким романтизмом, той остро осознаваемой гражданственностью, что и давало право Малому театру считаться «вторым Московским университетом», кафедрой, с которой обращались к людям гуманизм, справедливость и красота.

Ее кумиром, идеалом вдохновенного творчества, художественной и нравственной гармонии была и остается Мария Николаевна Ермолова. Нашему с Еленой Николаевной поколению несказанно повезло на учителей. Многогранный «человек для людей» Александр Южин, неукротимый и проникновенный Александр Остужев, поразительная в своей жизненной правде Ольга Садовская, тонкий художник Александра Яблочкина...

Поныне живет в моей душе то волнение, с каким довелось мне сменить Остужева в роли Уриеля Акосты. Гоголева была в этом спектакле Юдифью, а Яблочкина играла роль матери Акосты.

Уже тогда Гоголева воспринималась как очень внимательная, точная партнерша со своим порой очень интересным, неожиданным видением роли, с четким пониманием задач спектакля. Начало такой художнической самостоятельности положила Софья в «Горе от ума», сыгранная девятнадцатилетней актрисой настолько нетрадиционно, что ее стали называть одной из наиболее ярких исполнительниц этой роли.

О том, с какой самоотдачей молодая актриса отдавала себя любимому делу, как быстро нашла она себя в богатейшей, разнохарактерной труппе Малого, говорит тот факт, что только за первые десять лет служения в нем ею было сыграно не менее ста ролей. Среди них Аксюша («Лес»), Негина («Таланты и поклонники»), Елена («Женитьба Белугина»), Лариса («Бесприданница»)... И в каждой из этих работ чувствовалась сила характера не только героини, но и самой актрисы, неуклонно стремящейся овладеть вершинами актерского мастерства и вместе с тем понимающей, как важно сохранить индивидуальность, непосредственность.

Во многих спектаклях мы играли вместе с Гоголевой. «Коварство и любовь», «Крылья», «Макбет», «За тех, кто в море», «Перед заходом солнца»... Эти и иные спектакли разных лет — каждому были присущи свои временные приметы, они различались и жанром, и тональностью, и стилем. Менялись и мы, ибо нельзя войти дважды в одну и ту же реку времени. Оставалось и остается неизменным одно — глубокая, неизбывная, требовательная и трепетная любовь к родному Малому театру, который теперь, кажется, стал не частью жизни, а самоё жизнью, ее смыслом, содержанием, ее надеждой. Думаю, что нам, людям одного с Еленой Николаевной поколения, эти чувства особенно понятны.

Но я сказал слово «надежда». А надежда — это завтрашний день, это будущее. И, глядя на очаровательную, женственную, полную юмора и мудрости Мамуре, ставшую еще одним открытием Гоголевой, я, а вернее, все мы ждем следующих. В сущности, ведь нет ничего надежнее и лучше для актерского здоровья и счастья, чем новая, захватывающая, всепоглощающая роль. Глядя на Елену Николаевну, я еще и еще раз убеждаюсь в этом. Все образы, созданные ею на сцене, сливаются в прекрасную и неповторимую песню жизни. Так пусть же она длится!

Михаил ЦАРЕВ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

«Западня на Потомаке» — так назывался политический детектив С. Лосева и В. Петрусенко, опубликованный в №№ 5—10 «Огонька» за 1983 год. В нем рассказывалось о закулисной роли Центрального разведывательного управления США в разжигании «уотергейтского дела», которое привело к падению 37-го президента США Ричарда М. Никсона.

Поставив своей целью торпедировать политику разрядки международной напряженности, ЦРУ и его союзники стремились прежде всего доказать личную причастность президента к организации в 1972 году проникновения со взломом в штаб-квартиру национального комитета демократической партии в Вашингтоне в здании «Уотергейт», чтобы инспирировать уголовное дело против Никсона и его ближайших советников и таким образом парализовать деятельность правительства, в первую очередь внешнеполитического механизма. Но причастность Никсона доказать не удалось, и тогда обвинение было перестроено: ему стали инкриминировать соучастие в попытках сокрытия деяний взломщиков.

Биография президента Никсона продолжает привлекать внимание историков, журналистов, общественности. В предлагаемом читателю документальном очерке речь идет о событиях, предшествовавших уотергейтской истории.

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

Семь дней в декабре

В программе телевизионной сети Си-би-эс (8 апреля 1984 года) корреспондент задал экс-президенту вопрос:

— Через десять лет, когда один из ваших внуков, Александер, или Кристофер, или Женни, спросит: дедушка, что такое «Уотергейт»,— как вы ответите?

Никсон. Ну, что же, это будет зависеть в первую очередь от того, что они узнают об этом из школьных учебников... Но если мне придется объяснять им с самого начала, я бы сказал им примерно следующее. Это была плохо сработанная попытка проникнуть в национальный комитет демократической партии и «оборудовать» его подслушивающим устройством. Это была настолько неуклюжая попытка, что я бы сказал так: можно считать доказанным — и некоторые это доказали,— что попытка проникнуть была преднамеренно плохо сработана. Но им (судя по всему, имеется в виду ЦРУ.— **Прим. авт.**) нужно было, чтобы взломщиков схватили с поличным.

Корреспондент. А попытки сокрытия этого преступления?

Никсон. Попытки, которые мы предприняли для сокрытия следов преступления в «Уотергейте», превратили этот мисдиминор (так называемое «менее значительное» преступление) в «преступление века». То, что мы натворили, было сверхреакцией на случившееся, превратилось в глупость наивысшего калибра.

Корреспондент. Как такой опытный, недоверчивый человек, как вы, позволил втянуть себя в операцию по сокрытию «Уотергейта»?

Никсон. Я сделал ошибку в начале 1972 года — года избирательной кампании. Я всегда сам руководил кампаниями, и меня за это критиковали. Но в 1972 году мы вели переговоры с Советским Союзом об ограничении стратегических вооружений, мы пытались закончить войну во Вьетнаме и так далее. И я решил, что на сей раз я не буду вмешиваться в кампанию, я передам ее другим. Это была ошибка. Я должен был держать ее в своих руках. Если бы я следил, поверьте мне, мы бы не влезли в такую историю...

На вопрос корреспондента о его политических взглядах экс-президент ответил так:

— Я консерватор. Но как ни странно, я не изоляционист, не реакционер.

Телевизионная компания Си-би-эс интервьюировала Никсона в общей сложности 38 часов, что отражает возрастающий интерес американской общественности к фигуре экс-президента, его мыслям и оценкам прошлого и настоящего. По мнению ведущих американских газет, мемуары Ричарда Никсона остаются наиболее интересным произведением с книжной полки президентов.

Не так давно Никсон выступал в Экономическом клубе Нью-Йорка перед 1600 владельцами и управляющими крупнейших корпораций Америки. Президент клуба представил его как «уникально выдающегося человека» с «блистательной государственной карьерой». В сорокаминутной речи, писали газеты, и последующих ответах на вопросы 72-летний оратор был непринужден, остроумен и уверен как профессор.

...В нью-йоркской гостинице «Уолдорф-Астория» — самом олицетворении престижа — сторонники Никсона всю ночь праздновали его победу на ноябрьских выборах 1968 года. Он вышел к ним и, прерываемый бурными аплодисментами, произнес сбивчивый спич.

— Великая философия никогда не обходится без поражения... Но она всегда лишена страха... Что важно, так это, чтобы мужчина или женщина шли на бой, не обходили поле сражения...

Дома, на Пятой авеню, он прошел в библиотеку, поставил пластинку и погрузился в музыку Ричарда Роджерса «Победа на море». Он вспоминал годы сражений и поражений, он повторил пластинку, прибавив звука. Он ловил себя на мысли, что только музыка, как эхо, передавала то, что он думал, переживал, чем он был переполнен, что он хотел бы зафиксировать на бумаге, но что не поддавалось никакому словесному выражению.

В «Уолдорф-Астории» он говорил о том, как в одном из американских городков юноша приветствовал его из толпы плакатом со словами «Объедините нас». Целью его администрации, думал тогда про себя Р. Никсон, будет преодоление раскола в американском обществе. Как бы в исполнение этого замысла Никсон в тот же день предложил своему проигравшему сопернику Г. Хэмфри занять пост представителя США в ООН. Они встретились на юге Флориды, куда вновь избранный президент прилетел на отдых и где уже был Г. Хэмфри и сенатор Э. Маски, потерпевший поражение кандидат демократов в вице-президенты. Встреча победителей и побежденных напоминала более раннее флоридское рандеву Никсона и Дж. Кеннеди.

После пятидневного отдыха по дороге домой он и жена сделали остановку в Вашингтоне, где их радушно приняли Джонсон и его супруга. Они осмотрели Белый дом, узнали назначение зал и комнат. Состоялась неофициальная церемония посвящения Никсона в члены «самого избранного клуба», закончившаяся напоминанием неписаного правила, что экс-президенты никогда публично не критикуют президента. Джонсон добавил к этому, что, если у него лично возникнут какие-то критические мысли, он их будет передавать Никсону абсолютно приватно. Затем министры Джонсона и директор ЦРУ Р. Хелмс сделали доклад, который был посвящен преимущественно вьетнамской проблеме. Смысл их рекомендаций новому президенту был недвусмыслен: да, переговоры вести нужно, но без уступок, ибо уступки — это поражение, а поражение — это разрушительный психологический удар по союзникам в Азии и во всем мире. Иными словами, Никсона подталкивали к продолжению бесперспективной войны, он слушал и согласно кивал головой.

Среди «агитаторов» выделялся красноречием министр обороны Кларк Клиффорд. Но уже через несколько месяцев после ухода из правительства он пересмотрит свою позицию, станет «новым» Клиффордом и будет критиковать Никсона за продолжение войны. Не учитывать мнение представителей элиты — а Клиффорд был миллионером, адвокатом и доверенным крупнейших концернов, как в свое время братья Даллесы,— Никсон не мог.

Ему предстояло много маневрировать во внутренней и внешней политике. Судьба маневров зависела в немалой степени от того, кому он доверит ключевые посты в Белом доме и

кабинете. Внимание в последние недели уходящего 1968 года было приковано к нью-йоркскому отелю «Пьер», где решались кадровые и организационные вопросы будущей администрации.

Так же, как поиск мест для членов высшего звена федеральной исполнительной власти, слагающей свои полномочия, распределение мест в приходящей администрации выливается в ажиотаж. Соискателей много. Друзья победившего президента; люди, помогавшие ему годами; партийные функционеры, отличившиеся в предвыборной кампании; специалисты, эксперты, ученые, мечтающие о правительственной карьере, и т. д.

В вестибюле «Пьера» особенно бросалась в глаза одна категория соискателей. Говоря точнее, не они соискали, а их соискали. На них были дорогие костюмы, туфли известных фирм, сорочки благородных тонов. Люди среднего возраста, они имели за плечами выучку, которую дает американский бизнес. Они знали, чего хочет и чего не хочет его Величество бизнес, у них были рекомендательные письма президентов корпораций, крупнейших рекламных фирм, газет, которым при всем их величии не мешает иметь «своего парня» в Вашингтоне. В первое время администрацию республиканцев так и называли администрацией корпоративных менеджеров (управляющих), принесших с собой знание законов администрирования, организованность, умение, деловитость, которых ранее не было в правительстве.

Что касается верхнего яруса, а впрочем, и среднего, то тут неожиданный совет Никсону подал Линдон Джонсон. У них состоялась еще одна встреча в переходный период. Разговор шел тет-а-тет у камина Овального кабинета, и Джонсон расхваливал на чем свет стоит директора охранки — ФБР — Эдгара Гувера.

— Если бы не Эдгар Гувер, я бы не смог выполнять свои обязанности... Дик, тебе придется положиться на Эдгара. Он столп силы в городе слабых людишек. Тебе без конца придется обращаться к нему для поддержания безопасности. Он единственный человек, кому ты можешь полностью довериться.

Прежде чем продолжать рассказ о рассуждениях Джонсона, отметим, что к тому времени из окружения Никсона в «Пьере» в печать прошли сообщения о планах восстановления упавшей роли Совета национальной безопасности (СНБ) и аппарата при СНБ, который будет возглавлять доктор Г. Киссинджер. Аппарат СНБ должен был взять на себя выработку рекомендаций для президента в вопросах внешней, военной и разведывательной стратегий. Накануне встречи с Джонсоном по всем каналам телевидения передавалась церемония представления Никсоном руководителей новой администрации. Он, в частности, сказал:

— За восемь лет моей службы в Совете национальной безопасности при президенте Эйзенхауэре было несколько случаев, когда президент Эйзенхауэр принимал после заседания совета такие решения, от которых зависело, быть войне или миру. И тогда я узнал, что чрезвычайно важно, чтобы президент имел такой совет в те критические полдесятка раз, когда надо было принять именно такое решение,— имел такой совет, который помог бы ему принять правильное решение. Три человека, которых я представил сегодня вечером, будут участвовать в заседаниях этого совета: это министр юстиции, министр обороны, государственный секретарь. У этих людей разная биография, но у них есть одно общее качество, которое я обнаружил у Уильяма Роджерса (государственного секретаря) и о котором я говорил,— это хладнокровие при трудных обстоятельствах, большая способность выносить суждение.

Я полагаю, что в результате той рекомендации, которую они дадут мне, и той рекомендации, которую я получу от Генри Киссинджера, который является моим помощником по вопросам национальной безопасности, решения, которые я как президент стану принимать, будут лучшими решениями, чем они были бы без такой рекомендации.

И вот на следующий день после этой пылкой речи Джонсон решил окатить своего преемника холодным душем.

— Позволь мне без хитростей кое-что сказать тебе. Я был бы совершеннейшим идиотом, если бы выносил на обсуждение всего кабинета важные решения. Потому что я знал, что, если скажу что-нибудь поутру, это появится, дьявол меня побери, в вечерних газетах. То же самое и с Советом национальной безопасности. Каждый приводит с собой проклятых заместителей да еще и своих умельцев-щелкоперов. Они сидят у стены и все записывают. Я предупреждаю тебя: утечка информации в печать может согнуть тебя в рог. Я не зову даже Губерта (Хэмфри) на эти совещания, утечка может быть от его помощников. И даже при всех мерах предосторожности все равно происходит утечка.

Забегая вперед, можно только удивляться, насколько пророчества Линдона Джонсона оказались точными. Среди «подземных» толчков, которые привели к крушению администрации Никсона, была подспудная борьба в механизме СНБ и Белого дома, начавшаяся прежде всего с утечки информации и попыток президента перекрыть эту утечку.

Когда Джонсон превозносил Гувера у камина Овального кабинета, то он имел в виду его ценность и независимость именно как столпа-стража секретов Белого дома и администрации. Никсон хорошо знал Гувера по годам в конгрессе и посту вице-президента. Уже незадолго до беседы в Овальном кабинете он воспользовался его немалой услугой.

ФБР досконально проверяет всех кандидатов на высокие посты в администрации. Когда они встретились в «Пьере», Никсон попросил Гувера не устраивать проверки одному кандидату. До сих пор американские историки гадают, чем была вызвана просьба оставить без проверки партнера Никсона по юридической конторе, руководителя его предвыборной кампании Джона Митчелла, получившего портфель министра юстиции и место в СНБ, становившегося формально боссом Гувера, так как ФБР является составной частью министерства юстиции. По мнению биографов Гувера, оказав такую услугу Никсону, а заодно и Митчеллу, он взял обоих «на крючок».

Для Митчелла президент приберегал эпитет — «друг и советник, которому я больше всех доверяю». Он ввел в кабинет еще «друга, которому, знаю, я могу доверять». Это был Уильям Роджерс, получивший пост государственного секретаря, то есть министра иностранных дел. Роджерс был также адвокатом, Эйзенхауэр сделал его министром юстиции. Давняя дружба Никсона и Роджерса переживала взлеты и падения. Президент поставил своего государственного секретаря в незавидное положение. Правда, во время «телевизионной экстравагантности», как окрестили представление кабинета, Никсон сулил своему другу златые горы. Он говорил:

— После периода противоборства мы вступили сейчас в период переговоров. Следовательно, на будущие четыре года я желал бы иметь такого государственного секретаря, который мог бы вести переговоры лучше всех в мире, если это возможно. Что же, я знаю Уильяма Роджерса двадцать лет. Я видел его в периоды серьезных кризисов. Он всегда проявлял себя лучше всего в самые трудные времена. Его суждения здравы. Он хладнокровен. Он превосходно умеет вести переговоры. Я считаю, что он будет хорошо представлять Америку в предстоящие годы, когда он будет вести переговоры о мире, о таком мире, который позволит избежать того противоборства, которого все мы пытаемся избежать.

Но, назначив помощником по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера, Никсон во многом связал по рукам и ногам Роджерса. Профессор Гарвардского университета был ходячей энциклопедией и считал себя наилучшим знатоком международных дел. Почти при отсутствии у них принципиальных расхождений стремление Киссинджера подмять под себя государственный департамент порождало трения, нервозную обстановку, усиливало слежку в высших эшелонах правительства.

Уму непостижимо, но Киссинджер ухитрился перед ноябрьскими выборами работать одновременно и, конечно, тайно, на правительство Л. Джонсона; на своего патрона нью-йоркского губернатора Н. Рокфеллера, премировавшего его за это чеком в 50 тысяч долларов; на президентского кандидата демократической партии Г. Хэмфри и республиканского кандидата Р. Никсона. В кругу гарвардских друзей Генри говорил: «Этот тип, Никсон, не имеет права руководить страной». А на лекции в академии ВМС гарвардский профессор обозвал бедного Никсона «параноиком». И все же его подняли на одну из высших ступеней администрации. Стоя рядом с Никсоном на капитанском мостике, Киссинджер много интриговал за спиной капитана. В знак протеста против «идиотов на Туманном дне» (район Вашингтона, где расположен государственный департамент) Киссинджер не единожды писал заявления об отставке. Дважды ему пришлось пережить неприятные моменты, когда его желание едва не осуществилось.

В ретроспективе видно, что суета и шантаж профессора в стенах Белого дома сыграли немаловажную роль в крахе президентства Никсона, что убедительно показал Сеймур Херш в семисотстраничной книге «Цена власти. Киссинджер в Белом доме Никсона», изданной в 1983 году.

Если в вопросах внешней политики в окружении президента Никсона всеми делами заправлял Киссинджер, то внутренние проблемы президент перепоручил Джону Эрлихману, и многие министры обязаны были согласовывать с бывшим калифорнийским юристом свои программы и решения. Над всеми в Белом доме возвышалась фигура Боба Холдемана, руководителя всего аппарата сотрудников и человека, решавшего, какими делами изо дня в день целесообразно заниматься президенту, какие люди получат у него аудиенцию. «Эти немцы!»— восклицал Киссинджер, когда разговор заходил о Холдемане и Эрлихмане. Он завидовал особому доверию к ним хозяина Овального кабинета и их влиянию на него, что ни для кого не было секретом. Лишь эти двое позволяли себе одергивать Генри, лишь с ними, побаиваясь их, считался помощник по национальной безопасности, и только против них он вел самые осторожные интриги, вел потому, что не мог жить, не практикуя и не оттачивая ежедневно искусство Талейрана и Меттерниха, искусство дворцовых маневров, с которых начинал он дипломатические сражения за рубежом.

Уже с первых шагов Генри пробовал артачиться. Когда ему дали для замечаний и предложений проект речи Никсона по случаю вступления на пост президента, он вычеркнул пассаж о задаче шагнуть от конфронтации к эре переговоров. Его заставили восстановить его, хотя все же профессору удалось слегка обкорнать пассаж. Но данный случай заставил его быть осторожнее и в целом проводить линию, намеченную президентом.

* * *

20 января 1969 года на ступеньках Капитолия Никсон дал присягу, по обычаю положив руку на библию. Он попросил жену раскрыть ее в том месте Книги пророка Исайи, где говорится, что наступит время, когда народы «перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы: не поднимет народ на народ меча и не будет более учиться воевать».

Чалмерс Робертс, ведущий дипломатический обозреватель столичной «Вашингтон пост», писал на следующий день, что из речи исчезли фразы избирательной кампании о «ведении переговоров с позиции силы» и о «ядерном превосходстве». «Русским,— отмечал Робертс,— господин Никсон намеком предложил совместные космические исследования, при одновременном «мирном соревновании» здесь, на земле, и сотрудничестве с целью «уменьшить бремя вооружений».

На состоявшейся вскоре первой пресс-конференции нового президента попросили уточнить его отношение к таким понятиям, как ядерное превосходство и ядерный паритет применительно к американским вооруженным силам.

— Я думаю,— ответил он,— «достаточность» — более подходящий термин, нежели паритет или превосходство.

Через много лет Никсон пояснял:

— В начале своего правления я стал пользоваться термином достаточность вместо превосходства при характеристике целей, которые я ставил перед собой в отношении нашего ядерного арсенала. Окончание гонки вооружений означало бы выработку компромиссов с Советами... Желая добиться лучшей из сделок,

я не хотел, чтобы конгресс снаряжал меня на переговоры как лидера лишь второй сильнейшей державы мира.

Американские политологи разводили руками, пробуя объяснить разницу в терминах «достаточность» и «паритет». Послушаем, что говорил по этому поводу автор книги «Киссинджер. Использование могущества» Дэвид Ландау:

«Достаточность — расплывчатый термин, дрейфующий между паритетом и превосходством. Он спасал его предвыборное обязательство (о превосходстве.— **Прим. авт.**) и тем не менее отражал его фактическую точку зрения, что никогда не следует приобретать позицию первого удара. Эту убежденность президент повторил в решительных выражениях, объявляя в марте 1969 года о своем решении развертывать противоракетную систему «Сейфгард».

Книга Ландау вышла в 1972 году, когда Никсону предстояло переизбрание. Еще не существовало в природе ни уотергейтского дела, ни уотергейтского кризиса и американские авторы еще не боялись воздавать Никсону должное за реализм во внешней политике. Ландау на основе большой исследовательской работы показывает всю ту непростую обстановку, в которой президенту и его помощнику по национальной безопасности приходилось искать в Вашингтоне компромиссные варианты для переговоров с Советским Союзом.

Спустя десять лет экс-президент в мемуарах как бы перечувствует заново все, что он хотел бы сделать в сфере советско-американских отношений. Его записи подспудно оспаривают выводы его критиков на рубеже 60—70-х годов, считавших, что его заявления о желании строить мирные отношения с СССР были продиктованы лишь целями «оптимистической риторики».

— В отличие от некоторых антикоммунистов, которые считают, что мы не должны признавать коммунистов или иметь дело с коммунистами,— рассуждает мемуарист,— чтобы не создавалось впечатление признания с нашей стороны идеологической респектабельности их философии и их системы, я всегда полагал, что мы можем и должны общаться и, когда возможно, вести переговоры с коммунистическими странами. Они слишком могущественны, чтобы игнорировать их... К тому же появились признаки, что советские руководители заинтересованы в достижении соглашения об ограничении стратегических вооружений.

17 февраля 1969 года Никсон принял посла СССР в США А. Ф. Добрынина. Вот что он пишет об этом в своих мемуарах:

«Я сказал ему, что хотел установить совершенно открытые линии связи с ним и с руководителями его правительства... Мы оба, вы и я, господин посол, признаем очень принципиальные различия и разногласия, которые существуют между нами,— сказал я.— Мы сможем или не сможем разрешить их. Я надеюсь, что сможем. Но вы и я должны по крайней мере быть уверенными, что между нами не возникнет разногласий на почве отсутствия каналов связи».

В конце февраля президент выехал с восьмидневным рабочим визитом в страны Западной Европы. По его мнению, его предшественник Л. Джонсон «запустил» отношения с этим регионом и, что еще хуже, фактически поссорился с президентом Франции Шарлем де Голлем. Но печать по обеим сторонам Атлантического океана комментировала вояж прежде всего как прелюдию к переговорам между Востоком и Западом.

Лондонская газета «Таймс» опубликовала статью своего корреспондента Э. Ходжскина, который писал:

«Вашингтон готовится к переговорам с русскими, которые могут охватить все и вся. Несколько удивительно, что это является первой задачей нового республиканского правительства, особенно правительства, возглавляемого Ричардом Никсоном, который в течение семи лет был коллегой Джона Фостера Даллеса... Пожалуй, еще более удивительно, что общественное мнение, насколько можно судить, относится к этому как к вполне естественному явлению. Сейчас достигнута стадия, которую можно было бы назвать переговорами относительно переговоров. Русские действовали быстро и активно, двигаясь к этой стадии».

Верно, Москва заметила и авторитетно высказалась по поводу некоторых новых веяний из Вашингтона. Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в выступлении на сессии Верховного Совета СССР в июле 1969 года указал: «Мы обратили внимание на заявление президента Р. Никсона о том, что, по его мнению, после периода конфронтации наступает эра переговоров. Советский Союз — за переговоры. И если правительство США будет проводить на деле эту линию, то с нашей стороны, как и прежде, имеется готовность находить согласование позиций как по вопросам двусторонних отношений с США, так и по неурегулированным международным проблемам. Естественно, Советский Союз, следуя неизменным принципам своей внешней политики, будет исходить при этом из уважения неотъемлемых прав и законных интересов других государств — как больших, так и малых».

Никсон выражал удивление, что его заявления породили у западноевропейцев «сильную обеспокоенность возможностью американо-советского кондоминиума»[1]. Упоминавшийся Э. Ходжскин подчеркивал, что «трудно себе представить, что эти опасения справедливы».

Во всяком случае, советская сторона в приведенном заявлении недвусмысленно подчеркнула уважение к правам и интересам больших и малых государств как принцип, из которого она будет исходить в двусторонних отношениях с США. Советский Союз, как социалистическое государство, всегда отклонял привилегии, которых добивались для себя капиталистические державы, отвергал раздел мира кучкой великих держав на сферы влияния. СССР выступает за мирное сосуществование государств с противоположным общественным строем. Этот принцип может восторжествовать только в том случае, если он будет неукоснительно применяться по отношению ко всем государствам, как большим и малым, как сложившимся давно, так и вступившим лишь недавно на путь независимого существования.

В последующие годы некоторые недобросовестные американские журналисты возвращались к теме «американо-советского кондоминиума». Они не утруждали себя взвешенной оценкой классовых факторов, свидетельствующих, что между СССР и США пролегли глубокие социальные различия. Между противоположными общественными системами, которые представляют эти две державы, идет и неизбежно будет продолжаться борьба политическая, экономическая, идеологическая. Наивно было бы рассчитывать, что в советско-американских отношениях может наступить идиллия. Их основой могут быть не иллюзии и эмоции, не попытка выторговать себе односторонние выгоды и преимущества, а трезвый разум, позволяющий видеть не только то, что порождает недоверие и враждебность, но и то, что составляет предмет общей заинтересованности обоих государств. Особенно важное значение следовало уделить сдерживанию гонки ракетно-ядерных стратегических вооружений на основе строгого соблюдения принципа равенства и одинаковой безопасности.

* * *

На следующий день после принятия присяги, 21 января 1969 года, Никсон председательствовал на первом заседании Совета национальной безопасности. На повестке дня стоял один вопрос: перспективы переговоров с Советским Союзом об ограничении стратегических вооружений (ОСВ). Президент предупредил, что их совещание носит сверхсекретный характер и исходит из стремления СССР к таким переговорам. Через два дня СНБ вновь обсуждал вопрос об ОСВ, а еще через два дня он собирался в третий раз с этой целью. Наконец, на первой президентской конференции с прямой трансляцией по телевидению (27 января) один из журналистов попросил главу государства и правительства изложить позицию относительно начала «переговоров с Советским Союзом по ракетам».

— Я,— прозвучал ответ,— выступаю за переговоры по стратегическим вооружениям. Но вопрос не только в том, когда их начать, но и чем наполнить... Мне бы хотелось, чтобы со временем переговоры по стратегическим вооружениям каким-то образом способствовали, если это будет возможно, прогрессу в то же самое время в решении важнейших политических проблем — например, проблемы Ближнего Востока и других спорных проблем. Занявшись ими, действуя совместно, Соединенные Штаты и Советский Союз могут послужить делу мира.

Комментируя всплывшую на поверхность формулу, американские журналисты братья Марвин и Бернард Калбы в книге «Киссинджер» пишут:

«В изложении, которое явно отражало идеи Киссинджера, президент, по сути, объяснил, что существовали две школы мысли по ОСВ. С одной стороны, были те, кто хотел идти вперед, невзирая на то, есть ли «прогресс в политическом урегулировании». С другой стороны, были те, кто выступал против «любых сокращений наших стратегических вооружений» до тех пор, пока не будет достигнут «прогресс в политическом урегулировании»... Итак, «увязка» дебютировала как краеугольный камень новой стратегии США в сфере переговоров».

Кому же все-таки принадлежал приоритет в изобретении «увязки» (или «сцепления») как краеугольного камня «психологической дипломатии» Вашингтона? Никсону или его помощнику?

Во-первых, одно замечание. Журнал «Ньюсуик» счел целесообразным просветить своих читателей, высказав в первый год администрации такое суждение: «Генри-профессор господина Никсона... типичный интеллигент с восточного побережья, **лишенный комплексов** (подчеркнуто **авт.**)».

Ранее Киссинджер в статьях и книгах отвергал идею «увязки» применительно к советско-американским отношениям. На страницах журнала «Форин аффеас» он изложил точку зрения на ошибочность подхода, исходившего, например, из посылки, что «дорога к миру во Вьетнаме лежит через Советский Союз».

Никсон же в ходе предвыборной кампании подготовил речь по Вьетнаму, в которой он собирался призвать Советский Союз взять на себя ответственность за... прекращение конфликта в Индокитае. Джонсон помешал Никсону своим объявлением о выходе из политической борьбы и выдвижением «мирного плана по Вьетнаму». Никсон порешил неподходящим для себя временем выносить на публику свое предложение, но оно ждало своего дня и часа.

То ли он посвятил в него Киссинджера в «Пьере», то ли тот сам проведал о нем, но лишенный комплексов профессор совершил поворот на 180 градусов и стал рьяным проводником концепции «увязок». «Увязка между переговорами по ОСВ и Вьетнаму стала сердцевиной стратегии администрации,— пишут братья М. и Б. Калбы.— Обе проблемы пока (в 1969—1970 гг.) не поддавались решению, несмотря на усилия Киссинджера».

Киссинджер, уточняет С. Херш, пытался добиться реализации «чисто никсоновской» идеи «увязки» ОСВ с Вьетнамом, мечтая «закончить войну путем угроз Советскому Союзу». Под «угрозами» имелись в виду проволочки с началом переговоров по ОСВ, проволочки в ходе самих переговоров. Киссинджер лил воду на мельницу Пентагона, об отрицательном отношении которого к предстоящим принципиальным решениям писал военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» У. Бичер.

На первое место среди военных проблем и технологических забот специалисты из Брукингского института поставили вопрос о противоракетной обороне (ПРО). Они не были оригинальны, данная проблема не сходила тогда с уст всех. Общенациональные дебаты вокруг ПРО создавали давление в сторону выработки компромиссного решения правительства, конгресса, бизнеса. Без такого компромисса Никсон не мог начинать переговоры с Советским Союзом. В какой-то мере поэтому разговоры об «увязке» служили фиговым листком, прикрывавшим такую существенную причину затяжки переговоров, как нерешенность вопроса с ПРО.

Вместе с тем ссылки на предстоящие переговоры использовались в Белом доме и членами конгресса в оправдание подчас противоположных позиций.

Продолжение следует.

[1] Кондоминиум — совместное обладание, господство.

«Огонек» открывает новую рубрику: «В мире мудрых мыслей». В ней мы будем знакомить читателей с высказываниями выдающихся представителей мировой культуры о жизни, о человеке, об искусстве и литературе.

«НРАВСТВЕННЫЕ ПИСЬМА» СЕНЕКИ

Стоик по убеждениям, выдающийся римский философ Луций Анней Сенека был непосредственным участником важнейших событий своей эпохи. Он родился около 4 г. до н. э. в городе Кордубе (Кордове). Блистательный ум Сенеки, его несомненная образованность были сразу же замечены. Он стал наставником будущего императора Нерона. Через год после воцарения Нерона выдающийся философ обратился к нему с трактатом «О милосердии», где был представлен образ идеального государя. «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки — одна из замечательных книг в истории человечества.

Избранные мысли Сенеки мы предлагаем сегодня читателям.

Подборку подготовил Д. ЯКУБОВСКИЙ.

Если хочешь взять власть над всем, отдай власть над собою разуму.

Имеет ли значение, как тебе живется, если ты полагаешь, что плохо?

Каждый уходит из жизни так, словно только что вошел.

Все, что сказано хорошо,— мое, кем бы оно ни было сказано.

Кто сохранил себя, тот ничего не потерял, но многим ли удается сохранить себя?

В том и наш грех, что жизнь по частям обдумывают все, а целиком — никто.

Телесные блага суть блага для тела, а не блага во всем. В них есть своя ценность, но благородства в них нет.

Кто больше всего предан случайному, тому не выпутаться из тревог: слишком много поводов к ним он сам для себя создал.

Неразумный, достигши благополучия, долго его не удержит: ведь счастье, если забыть о мере, само себя душит.

А что лучшее в человеке? Разум, который его выделяет среди животных и приближает к богам.

Глупости удается вскарабкаться до мудрости, мудрость же не может упасть до глупости.

Об одном лишь хочу предупредить тебя: не поступай подобно тем, кто желает не усовершенствоваться, а только быть на виду, и не делай так, чтобы в одежде твоей или в образе жизни что-нибудь бросалось в глаза. Избегай появляться неприбранным, с нестриженой головой и запущенной бородой, выставлять напоказ ненависть к серебру, стелить постель на голой земле — словом, всего, что делается ради извращенного удовлетворения собственного тщеславия.

Можно уже и кончать, но я прибавлю еще одно: ни младенцы, ни дети, ни повредившиеся в уме смерти не боятся — и позор тем, кому разум не дает такой же безмятежности, какую дарует глупость.

это интересно

КАК МЕРИЛИ ДРЕВНИЕ?

С самых древнейших времен у человека существовала необходимость в измерении протяженности предметов, участков земли — и соответственно была необходимость в мерах длины. И человек находил их в себе — в длине и ширине пальцев, ладоней, стопы ноги и в длине согнутой руки.

Уже в эпоху Древнего царства в Египте существовала развитая система измерения, включавшая:

— палец («теб»), который соответствовал толщине пальца средней величины и равнялся приблизительно 1,9 см;

— ладонь («тот») — мера, равная четырем пальцам, длиною около 7,4 см;

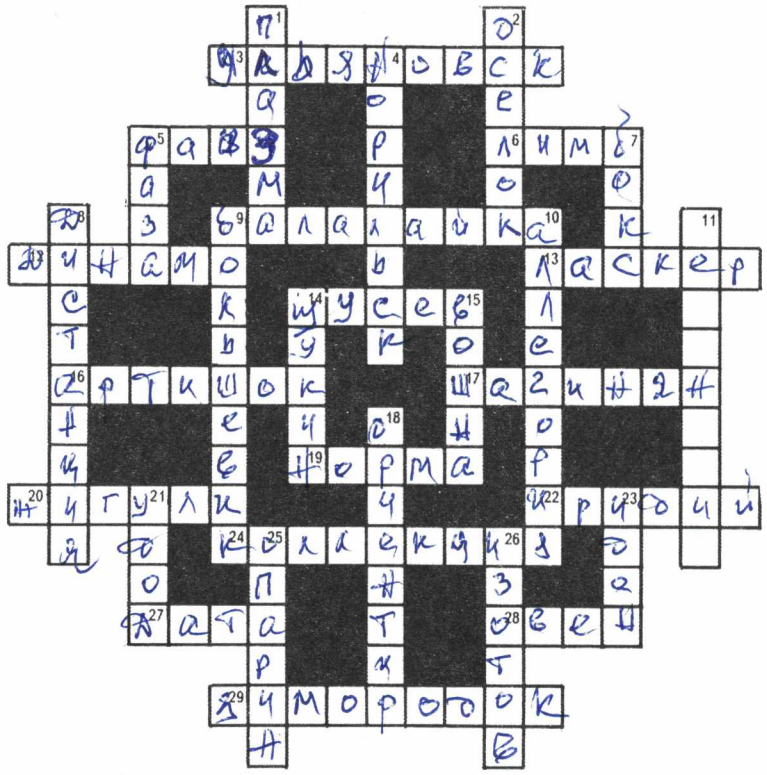
— пядь («пат», «под») длиною около 22,3 см, ее составляли три ладони;

— локоть («мех»), равный двум пядям, то есть около 45 см.

У древних египтян каждая часть тела имела своего бога-покровителя, с которым она была функционально связана и от которого получала свое название. Ноге (стопе) соответствовал бог ремесел Пта (Фта).

Египетская мера длины «пядь» под названием «фут» распространилась через Грецию и Рим во всем древнем и современном мире. В России «пядь» («пядень») широко применялась при измерениях.

В. АНДРЕЕВ, профессор

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Областной центр в РСФСР. 5. Пакистанский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 6. Металлическое кольцо с делениями в угломерных инструментах. 9. Струнный инструмент. 12. Советское спортивное общество. 13. Экс-чемпион мира по шахматам. 14. Архитектор, автор проекта Мавзолея В. И. Ленина. 16. Овощное растение. 17. Писательница, Герой Социалистического Труда, автор тетралогии «Семья Ульяновых». 18. Опера В. Беллини. 20. Марка советского автомобиля. 22. Химический элемент, металл. 24. Собрание картин, почтовых марок, монет. 27. Точное календарное время определенного события. 28. Зодиакальное созвездие. 29. Птица, обитающая по берегам рек.

По вертикали: 1. Ионизированный газ. 2. Точильный брусок. 4. Город в Красноярском крае. 5. Определенный момент, стадия в ходе развития процесса. 7. Спортивное единоборство. 8. Расстояние между стартом и финишем. 9. Картина Б. М. Кустодиева. 10. Иносказание. 11. Химик-органик, академик, Герой Социалистического Труда, награжденный Премией имени В. И. Ленина. 14. Народный артист СССР, создавший образ В. И. Ленина в спектаклях и фильмах. 15. Приток Мезени. 16. Заметный на местности предмет, помогающий определять направление движения. 21. Птица с пестрым оперением и веерообразным хохолком. 23. Герой романа Д. Лондона. 25. Биохимик, академик, лауреат Ленинской премии. 26. Один из первых новаторов в угольной промышленности Донбасса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 1. Ректорат. 5. Савицкая. 8. Рефрижератор. 9. «Ночь». 10. Гитара. 11. Агат. 15. Стабилизатор. 18. «Скифы». 19. Исаченко. 22. Йонна. 23. Носов. 25. «Травиата». 26. Негин. 28. Аэромеханика. 31. Курс. 33. Флейта. 34. Охра. 35. Деепричастие. 36. Лавочкин. 37. Аренский.

По вертикали: 2. Эссентуки. 3. Осень. 4. Тбилиси. 5. Сюрприз. 6. Ижора. 7. Аристофан. 12. Карикатура. 13. Этнография. 14. Бессонов. 15. Стыковка. 16. «Раймонда». 17. Скафандр. 20. Айва. 21. Нона. 24. Структура. 27. «Гайдамаки». 29. Меларен. 30. Антраша. 32. Скетч. 34. Орион.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Г. Яралова, М. Абдурахманов. ЛЕНИН В ЗАКОПАНЕ. 1980. (Фрагмент).

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Экспонаты школьного музея. (См. в номере материал «За сказочной птицей».) Фото И. ТУНКЕЛЯ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 01.04.85. Подписано к печати 18.04.85. А 04563. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 859. Заказ № 407.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Лариса ЧЕРКАШИНА

Фото И. ТУНКЕЛЯ

ЗА СКАЗ

Давным-давно, говорится в русской северной притче, смастерил крестьянин из щепы для своего больного сына птицу-оберегу. Мальчик выздоровел. С тех незапамятных времен и пошел обычай подвешивать в крестьянских избах над детскими колыбелями птиц-оберег. Такая вот птица — подарок архангельского мастера висит в кабинете рисования средней московской школы № 762.

«В каждом маленьком человеке живет художник»,— говорит хозяйка школьного кабинета, учитель рисования Фаина Петровна Кузьмина. И действительно, у нее рисуют все дети, неспособных нет.

В работе Кузьминой много необычного, исследовательского, а ведь она даже не профессиональный педагог. Окончила архитектурный институт, но здоровье не позволило заниматься избранным делом. Устроилась в соседнюю школу, вела там уроки труда и домоводства. И вот, когда школу покинул учитель рисования (точнее, молоденькая учительница, да еще в середине учебного года), вести предмет стала Кузьмина. Сразу же взялась за первоклашек, учила их правильно держать кисточки, чувствовать цвет, строить композицию.

Поначалу занимались где придется. А сейчас кабинет рисования — предмет общей гордости. Его и кабинетом-то можно назвать условно. Это настоящий музей без всяких скидок на школьные стены. Прекрасное собрание произведений русских народных умельцев, всего того, чем испокон веку славится русская земля: деревянные «потешки» из Богородского, вологодское кружево и павлово-посадские платки, дымковская игрушка и золотая хохлома. Здесь много авторских работ: поднос известного жостовского мастера Митрофанова, филимоновские чудо-звери мастерицы Карповой, гжельские петухи Азаровой, игрушки из дерева мастера Красноярова. С Тимофеем Федоровичем Краснояровым из деревни Касково Городецкого района — дружба давняя. Стар стал мастер, а нет-нет да и удивит новой затейливой игрушкой. И тут же — посылка Фаине Петровне.

Коллекция старинных глиняных кринок тоже не уступит иному музейному собранию. Есть в школьной экспозиции и берестяной туесок прошлого столетия, и северная расписная прялка, и лемех, каким крыты кижские купола, и рельефный изразец XVII века, изукрашенный цветными эмалями. По нему, кстати сказать, первоклассники лепят свои изразцы, правда, пока из пластилина, раскрашивают темперой, покрывают лаком.

Как-то во время экскурсии по дому-музею боярского быта, что на улице Разина, кто-то из ребят заметил в одной из палат глиняного петушка: «Смотрите, да ведь это же Юлькин!» Фаина Петровна показывает знаменитого теперь петушка, его автор — ученица первого класса Юля Александрова. Петушок оказался точь-в-точь таким, как его вылепили руки неизвестного русского мастера три столетия назад.

Факт хоть и любопытный, но все же из разряда случайностей. Но то, что городецкая мастерица не смогла отличить свои расписные доски от сработанных руками школьников,— не случайность и не совпадение. Этому предшествовала долгая, кропотливая работа учителя и ее воспитанников.

Урок рисования обычно начинается с показа диапозитивов, с рассказа о прошлом. Ведь становление и судьба любого народного промысла неразрывно связаны с историей страны. Искусство народных мастеров сродни детскому мироощущению, образному, живописному. Поэтому так легко и естественно ложатся краски, оживают глиняные фигурки в ребячьих руках.

Тема урока часто необычна, например, «Сказочная птица в сказочном саду». Полный простор для фантазии! Каждый может работать в удобной для него позе. Разрешается ходить, разговаривать, с одним лишь условием — не мешать остальным. Сама Фаина Петровна ведет такой урок в «сказочном» наряде — узорчатом русском сарафане.

Увлечение народным творчеством приняло в школе массовый характер. Ребятам тесны стали рамки учебного класса: школьные коридоры и кабинеты украсила мозаика и витражи, игровую комнату «продленки» — красочное панно.

Для детей, особо увлеченных живописью, Кузьмина ведет кружок. Подбирает классическую музыку, созвучную теме занятия, и звучат в классе мелодии Чайковского, Глинки, Балакирева. А после занятий — традиционный чай из тульского самовара.

Любимые маршруты кружковцев — старинные города и села Подмосковья, Горьковской, Тульской областей. После каждой такой поездки-экспедиции фонды школьного музея пополняются то вышитым полотенцем, подаренным старой крестьянкой, то резным ковшом, а то и целым оконным наличником, украшенным искусной резьбой.

Энергии Фаины Петровны можно позавидовать. За время ее семилетнего учительства в школе произошли разительные перемены, поистине и один в поле воин. Стал шефствовать над школой Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Установились творческие связи с Центральным детским театром. Ребята стали членами клуба искусства в ЦДРИ, и сама школа стала гласно и негласно именоваться «школой с углубленным изучением искусств».

Фаина Петровна вспоминает своих лучших учеников: Марина Мережникова — будущий художник по тканям, Марина Казанцева окончила школу художественных ремесел, Костя Охотин и Дима Мучник учатся в школе при художественном институте имени Сурикова, готовится к поступлению в этот же институт Виталий Зорин. Многие ребята обучаются профессии столяра-краснодеревщика в ПТУ № 64.

...Парит под потолком школьного кабинета деревянная северная птаха. Словно осеняет она своим хрупким крылом склонившиеся над мольбертами головы детей.

1.

2.

1. Знакомьтесь: студийцы.

2. Урок ведет Фаина Петровна Кузьмина.

3. Звонкие свистульки.

4. У соседа краски ярче!

ОЧНОЙ ПТИЦЕЙ

3.

4.

Индекс 70663

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.